

Николай Марчук

ДОБРОВОЛЕЦ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Николай Марчук Доброволец

Серия «Военная фантастика (АСТ)»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69222580

*Николай Марчук. Доброволец: Издательство АСТ; Издательский дом
«Ленинград»; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-155033-2*

Аннотация

«Зачем нам такой мир, если там не будет России?»

Запад напал первым, ударил подло, исподтишка. В ответ российское командование сделало то, что было обещано, – нанесло массированный ракетно-бомбовый удар ядерными боезарядами. Мир рухнул... но не исчез. Где-то на задворках, на периферии еще сохранились очаги цивилизации. А значит, война продолжается. Алексей Седов – доброволец, его отряд высаживается в Турции, чтобы вызволить из плена российских солдат.

Содержит нецензурную брань.

Николай Марчук

Доброволец

© Николай Марчук, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону
2023 год...*

Лодка тяжело шла вперед, переваливаясь с волны на волну, как беременная утка. Ветер, толкавший в корму, помогал плыть, но он же, зараза такая, периодически забрасывал в деревянное корыто добрую порцию морских брызг. Каждый раз, когда сверху прилетала холодная, колючая вода, я болезненно морщился и проклинал тот миг, когда согласился идти в штурмовой команде. Сидел бы себе сейчас в душном, вонючем трюме «жабодава» и слушал пердеж соседей по кубрику. Так нет же, надо было решить, что лучше прокатиться с ветерком по морским волнам, чем задыхаться от ржавой тухлятины, в которую давно превратился воздух в железной бочке корабельного трюма. И ведь была возможность откосить от высадки на берег!

Вот что за скотина такая непостоянная, человек? Час назад все готов был отдать, лишь бы подышать свежим воздухом, а как только выбрался наружу, воздухом надышался, так сразу же обратно в теплое вонючее нутро корабельного трю-

ма начал проситься. Конечно, там же безопасно, там не надо морозить задницу, сидя на жесткой доске, по колено в ледяной морской воде, сжимая в руках АКС. Там не надо бояться, что сейчас, на очередной волне, убогую фелюгу перевернет, она кильнется, и ты улетишь на дно морское, аки топор, ведь на тебе железа всякого нацеплено хрен знает сколько: тут тебе и старенький автомат АКС-74, полдюжины снаряженных магазинов, нож, пара гранат, фляга с водой, кусачки, раскладной щуп и фонарик. Так что, если морской бог призовет к себе, то стопудово утопнешь, тут выплыть наверх без вариантов. Человек хоть и говно редкостное, да не всегда всплывает!

А ведь вариантов поиграть в Ихтиандра тьма. Наша дырявая шаланда запросто может переломиться пополам, перепрыгивая через очередной гребень волны, она может сдуру налететь на такую же байду, идущую параллельным курсом, да, черт возьми, запросто может взорваться аккумулятор, который питает самодельный электровинт. Вариантов умереть, так и не добравшись до берега, до жопы! Выбирай любой!

– Слышь, бро, а ты заметил, что те крутые парни не ели перед отплытием? А знаешь, почему? Потому что если в живот попадет пуля, то с полным жрачки кишечником тяжело делать операцию. Я, кстати, тоже есть не стал. Ну, так, на всякий случай... – В плеск волн и шум ветра вклинился монотонный бубнеж соседа по скамье.

Твою жжж мать! Хуже страха утонуть в море и вони про-

ржавевшего корабельного трюма было постоянное бухтение моего соседа. Этот молодой парнишка изводил меня своими разговорами с того самого момента, когда я вызвался пополнить ряды изрядно поредевшей после длительного морского перехода штурмовой команды. Знал бы, что мне попадет такой сосед, сто раз бы подумал. Лет двадцать, двадцать три – максимум, лопоухий с курносом носом и открытым лицом, испещренным оспинками. Эдакий деревенский Иванушка-дурачок. То ли от страха, то ли от слабоумия, но паренек бубнил без перерыва, он постоянно извергал из себя различные, по его мнению, умные мысли. А может, на следующем морском бархане, когда лодка переваливается через гребень и все инстинктивно вжимают головы в плечи, перекинуть этого пустобреху за борт?!

– Здесь нет хирургов, – хмуро буркнул я в ответ, – если тебе в пузо попадет пуля, то абсолютно по фигу будет, елы или нет, спасти некому, по любому загнешься. А не ели они, чтобы животы от этой ужасной жрачки не загнуло. Не дай бог во время штурма обосрешься или громким пердежом выдашь свое местонахождение.

– Точно! Нет, все-таки не зря мы с тобой сдружились бро, ты капец какой умный, – выдал неожиданный вердикт парнишка и тут же огорошил меня: – Умные люди должны держаться друг друга!

Епта, кого этот колхозник назвал умным? Себя?! О, боги! Сделайте так, чтобы сейчас вынырнуло Лох-Несское чу-

довище и сожрало этого болтуна!

– А ты знаешь, как я снарядил магазины? – продолжил сосед. – Нет? Сейчас я тебе расскажу. Короче, вначале пять обычных патронов, потом три трассера, потом обычные. А знаешь, для чего так?

– Нет.

– Когда я увижу, что вылетают трассеры, то буду знать, что в магазине заканчивается боезапас. А?! Ловко?

– Молодец, – сквозь зубы процедил я.

Ну да, ночью шмалять трассерами самое то. Надо будет держаться подальше от этого уника и гения, а то как бы и мне не прилетело то, что предназначается ему. Хотя надо отметить, что толк в словах болтуна есть, и так действительно снаряжать автоматные магазины правильно, но мне что-то не хотелось сильно изгаляться. В конце концов, я тут не собирался устраивать Сталинградскую битву, у меня задачи и цели совсем другие.

Морские волны становились круче и попадались чаще, а это верный признак скорого берега. Я еще раз проклял свою беспечность и самонадеянность. Ну вот на кой мне этот клад, если я сейчас утопну? Да, черт возьми, справился бы и в одиночку, ну покопался бы в земле пару месяцев, подумаешь. Зато гарантированно остался бы жив, а не молился бы сейчас, трясясь за свою жалкую душонку.

– А знаешь, зачем я так смотал магазины? – не унимался болтливый сосед, тыча мне под нос смотанную синей изо-

лентой спарку из двух автоматных магазинов.

– Нет. Просвети, хоть мне и по фигу.

– Тут все просто. Как только мы нарвемся на противника, я шарах длинной очередью, а потом, бац, и тут же второй магазин примкнул, и снова готов к бою. Враг обалдеет, он не ожидает, что я такой быстрый, и, короче, я всех победил. Оценил? Секунда в бою решает все!

– Ты себе боевую кличку уже придумал? – перебил я парнишку.

– Кличку? – нахмурился болтун. – А, ты про позывной? Нет еще. Вернее, как бы придумал, но тут такое дело, что настоящую кличку дают только боевые товарищи. Самому как-то неправильно себя называть по прозвищу, – явно огорчился отсутствию позывного болтун.

– Тогда давай я тебе придумаю? – предложил я. – Хочешь, буду звать тебя Немым! Нравится?

– Немой? – нахмурился парень. – Как-то не очень.

– Ну, тогда Молчун. Подходит?

– Нет, как-то все не то!

– Всем заткнуться! – прикрикнул на нас с носа бородатый здоровяк, вооруженный РПК. Он был в нашей лодке за старшего. – Подходим! Десантируемся по моей команде. Под ноги смотрите, там камни.

Болтун наконец заткнулся, а я в очередной раз укорил себя за то, что решил поиграть в войнушку. Ну какой из меня боец? Я ж, блин, интеллектual! Гуманитарий! Ну, подума-

ешь, аж целную неделю состоял в штате роты ополченцев и даже пережил первый бой с противником. Во втором бою нашу роту выкосили подчистую, в живых осталось десятков раненых, среди которых был и я. Правда, потом я еще два с лишним года шлялся по выжженным Войной и опустошенным эпидемиям землям, но таких, как я, вагон и маленькая тележка.

Скошенный деревянный нос лодки боднул каменистый берег, днище противно заскрипело по скользким булыжникам, лодка протиснулась еще на пару метров, потом еще на немного и остановилась, намертво вклинившись в береговые глыбы волнореза.

Все, приплыли! Картина маслом!

– Бегом, бегом, бегом! – зашипел бородач с РПК. – Вон то здание видите? Собираемся у его стен. И не забудьте про опознавалки, не перестреляйте своих. Давайте шустрее, сонные черепахи!

Поблизости, метрах в десяти, точно так же зарывшись носом в камни, стояла такая же фелюга, как у нас. Значит из трех лодок до берега добрались пока только две. Получается, около сорока человек уже на берегу. Вполне неплохо, таким числом можно кое-как воевать. Так что надежда на то, что я увижу рассвет, еще есть.

Я инстинктивно цапнул рукой предплечье, проверяя, на месте ли намотка из старого бинта, призванная показать всем своим, что я – свой! Кстати, враг по этим белым марле-

вым повязкам сразу поймет, что мы – чужаки! А может, и не поймет, хрен его знает, все-таки я не боец и боевого опыта у меня с гулькин нос.

Из лодки я выбрался не как все, а полез через борт, и не потому, что я такой особенный и сам себе на уме, просто все остальные рванули, как стадо баранов, на нос лодки. Толкались, отпихивали друг друга в сторону, несколько даже свалилось за борт, где тут же раскровенили себе лобешники об острые камни. Образовались затор и давка. Мне сразу стало не по себе от мысли, что сейчас какой-нибудь бородатый турок как шарахнет длинной очередью из пулемета – и все!.. Хандец господам пиратам!

Перебравшись через борт лодки, вскинул автомат и, осторожно переставляя ноги, побрел по камням волнореза к берегу. Осклизлые мокрые камни, поросшие противной мелкой морской травой. Воздух был наполнен запахом гниющих водорослей, мусора и нефтепродуктов. Позади слышались бодрое шлепанье и привычный бубнеж:

– Эй, бро, подожди, а то я не успеваю!

Я добрался до береговой линии и тут же плюхнулся на задницу, спрятавшись за бетонной плитой, прикрывающей песок пляжа от морских волн. Дальше идти не хотелось, ну вот на кой ляд мне лезть первым? Я в герои не нанимался. По крайней мере не за те гроши, которые обещал хозяин «жабодава».

– Бро, ты чего? – удивился подбежавший ко мне болтли-

вый паренек. – Сказали же идти к той хибаре.

– Я тут прикрываю высадку основных сил, – пошутил я, кивая на толпу вояк, осторожно бредущую по камням волнореза к берегу.

– Точняк! – догадливо хлопнул себя по лбу паренек и тут же упал рядом. – Бро, зацени какие у меня наколенники. Сам делал! Наколенники – самая важная вещь на войне!

– Ты, это... того, – тут же прервал я начинающийся словесный поток, – отползи метров на десять-двадцать, мы сейчас представляем отличную групповую мишень.

– Понял, не дурак! – Парнишка тут же подскочил и на карачках отполз в сторону.

Как только я остался в относительной тишине, тут же занялся тем, для чего, собственно говоря, и валялся за бетонной плитой все это время, а именно перешнуровал ботинки. Кирзовые берцы, которые мне выдали в тренировочном лагере месяц назад, были редкостным говнищем. Такого иезуитского орудия пыток не применяли даже в средневековой инквизиции. Они совершенно не хотели подстраиваться под ногу. Чтобы эти говнодавы перестали натирать мне ноги, пришлось на носок намотать еще и портянки.

– Че развалились? – сурово спросил подошедший бородач с РПК.

– Мы здесь прикрываем вашу высадку! – вместо меня крикнул в ответ болтун. – Кто-то же должен головой думать!

Бородатый великан надменно хмыкнул и, ничего не от-

ветив, зашагал дальше к цели. За ним потянулась вереница мокрых и ободранных наемников. Я пристроился в самом хвосте этого шествия.

– Может, нам обогнать этих доходяг и провести разведку?

– Слушай, Вася, или как там тебя! – не выдержал я.

– Ваня, – поправил меня болтун.

– Так вот, мой молчаливый друг Ваня, давай договоримся: если ты ходишь постоянно за мной, то это еще не значит, что мы друзья. И если тебе так хочется умереть молодым, то делай это в одиночку. Лады? А меня за собой тащить не надо!

– Бро, ты чего? – искренне удивился Ваня. – Я ж просто предложил, ну типа для общего блага. Они ж, – он кивнул в сторону топающих плотной коробкой вояк, – явные валенки, не то что мы с тобой!

– Слышь, ты, Ваня Рембо, последний раз тебе говорю: заткнись и топай молча! Твой бубнеж за километр слышно!

Ваня заткнулся, и дальше мы шагали молча. Вокруг стояла серая мгла, характерная для всех приморских поселений в предрассветные часы. Той чернильной темноты, что была ночью, уже нет, но и солнце еще не всплыло из-за горизонта, и пока лишь только первые робкие лучи появляются где-то на востоке, пытаюсь разогнать непроглядную муть. Если не принимать во внимание, что на мне навешан десяток килограммов смертоносного железа и я направляюсь в составе команды отбросов и головорезов грабить и убивать, то могло

показаться, что сейчас мирное время и я в очередной турпоездке.

Ощущения были совершенно дикие. С одной стороны, мы вроде как штурмовая команда, которая высадилась на лодках и сейчас должна захватить небольшой приморский поселок, чтобы разграбить его, но при этом вокруг стоит абсолютнейшая тишина, нарушаемая лишь шумом ветра, играющего с незакрепленными металлическими предметами, шуршанием мелких камешков под ногами двух десятков бойцов, да едва различимый бубнеж Вани (вот ведь зараза, никак не утомонится).

Нет, это, конечно, хорошо, что турки проспали нашу высадку, и мы их возьмем сонными, в теплых постелях, но все равно как-то все это неправильно. Как-то слишком жестоко и одновременно банально и прозаично. А ведь так не должно быть. А как оно должно быть на самом деле, я не знал.

Толпа десантников, весело топающая немного впереди, резко остановилась и утрамбовалась до состояния монолита. Вояки кого-то обступили плотным кольцом и сейчас внимательно осматривали, подсвечивая огнем зажигалки.

Оказалось, что мы наткнулись на первого турка. Защитник поселка лежал в луже собственной крови. Его зарезали ножом, ткнув в печень. Крови натекло столько, что можно было устроить небольшой заплыв. Она даже еще не успела загустеть и превратиться в желе.

– Видали? – почему-то весело изрек великан с РПК. – Я

же говорил, что спецпура сделает все за нас, а вы ссали, как мандавошки.

– Кто это зассал? – тут же встрепенулся Ваня. – Мы, между прочим, с Лехой вашу высадку прикрывали! Жизнью, можно сказать, рисковали, живота своего не пожалели!

Видимо, он это сейчас обо мне. Офигеть, ну вот кто его просит влезать туда, куда не надо соваться?! Кретин чертов!

– Да-а?! Ну раз вы такие умные, то оставайтесь здесь и встречайте остальных. Покажете, куда им идти.

– Легко! – тут же огрызнулся Ваня.

– Может, кого-то другого оставишь? – спросил я у бородача.

– Нет, – категорически отрезал великан.

Я отошел к дощатому навесу, который за каким-то шайтаном торчал здесь, и попытался укрыться от пронизывающего ветра, порывы которого периодически налетали с моря. То, что нам с Ваней досталась роль встречающих, с одной стороны, хорошо, здесь, вдали от жилых построек, невелик риск нарваться на турецкие пули, а с другой стороны, и в мародерке турецких халабуд мы можем не успеть поучаствовать. А я, в конце концов, на этот рейд подписался исключительно ради наживы. То, что обещали заплатить по окончании рейда, хватило бы едва на пару месяцев безработной жизни. А хотелось бы заработать так, чтобы хватило на год, иначе мне не успеть хорошенько подготовиться для настоящего дела. Как говорится, чтобы сделать бабки – нужны бабки!

– Эй, бро, ты чего злишься? – Болтун тут как тут и снова бубнит. – Да ладно тебе. Зато здесь точно не убьют.

Я ничего не ответил и вернулся на дорожку, где лежал зарезанный турок. Нагнувшись над ним, я прикрыл ладонью стекло фонаря и осветил тело.

– Его уже выпотрошили, – со знанием дела прокомментировал мои действия Ваня. – Спецура вряд ли бы пропустила что-нибудь ценное. Эх, вот попасть бы к ним в команду, научиться всяким там разным штукам. Ох и отличный бы из меня вояка получился.

Охлопал карманы джинсов. Пусто! В нагрудные карманы куртки лезть не стал, там было все в кровище. А вот кроссовки на ногах убитого вполне ничего, внешне целые, да и по размеру вроде бы мне в самый раз. Расшнуровал кроссачи убитого турка, стянул их и, отойдя в сторону, переобулся. Получилось просто отлично – сухие носки, сухие кроссовки. Что еще надо для полного счастья?

– Эх, если так дальше пойдет, то я живого врага в глаза не увижу и уж точно никого не застрелю, – пробубнил у меня за спиной Ваня.

– Может, оно и к лучшему, – промычал в ответ я.

– Ты чего? – удивился Ванек. – Сам же говорил, что хочешь денег заработать. А как их заработаешь, если не убивать бойцов противника. За каждого застреленного с оружием в руках турка Хозяин заплатит по десять золотых монет. Считай, пятерых убил, уже полсотни на кармане, а это на-

града за весь рейд.

Со стороны поселка слышались одиночные выстрелы, крики, потом протрещала короткая очередь. В домах зажглись огни, где-то резануло лучом мощного фонаря. Пошла потеха!

– Похоже, спецура совсем тихо не справилась, – раздосадовано хмыкнул Ванек.

Спецурой Ванек называл дюжину хорошо экипированных бойцов, которые десантировались не как мы, на тихоходных дощатых посудинах, они шли к берегу на легких «зодиаках» с хорошими электромоторами. Они были облачены в непромокаемые гидрокостюмы, увешаны оружием с приборами для бесшумной стрельбы и всякими разными ништяками в виде столь любимых Ваньком наколенников, налокотников, легких кевларовых шлемов и еще хрен знает чем.

Не знаю, что у них там сейчас пошло не так, но надо отдать им должное: мы высадились на берег совершенно спокойно и безмятежно, ну если не считать парочки разбитых о камни лбов и поцарапанных ног.

Тем временем к волнорезу подошла третья фелюга. Выглядела она хуже нашей, шла совсем медленно, да еще и водой была заполнена чуть ли не на треть. Двадцать бойцов, которые были загружены в нее, сыпанули на берег, едва нос лодки ткнулся в камни волнореза. Как только десантники попали на острые камни, тут же их пыл значительно сошел на нет, и они побрели дальше уже намного медленнее и осто-

рожнее. Но все равно, несмотря на меры предосторожности, пока они добрались до твердой, ровной поверхности, некоторые из них все-таки не удержались и упали, поранившись об острые камни.

Я три раза мигнул фонариком, привлекая внимание старшего этого отряда. Третья лодка большей частью была заполнена «уголками», они мне еще в тренировочном лагере не понравились, а уж на «жабодаве» так вообще вели себя как истинные хозяева жизни. Правда, после нескольких жестких потасовок их число немного уменьшилось, а там и боевой пыл спал.

Все наше бравое воинство было разделено на четыре части. Условно говоря, отделение разведки и три взвода. Первый отряд – двенадцать человек, наиболее подготовленные и опытные вояки, они с самого начала действовали как единый и монолитный отряд, со своим вооружением и снаряжением, их называли спецурой. Я так понимаю, что их привлекли в качестве основного козыря, и, соответственно, оплата у них тоже в разы больше, чем у нас, простых пехотинцев. Не удивлюсь, что эти двенадцать бойцов знают друг друга очень давно, возможно, они служили вместе еще до осени 2020 года, когда Российская Федерация как единое государство перестала существовать. Впрочем, то лето не пережили большинство стран мира, а те, кто остались, настолько изменились, что их со старыми, докризисными временами даже и сравнивать не стоит.

Ну, не будем о грустном. Так вот, остальные бойцы, нанятые для проведения рейда по турецкому побережью Черного моря, были разделены на три равных по численности группы – по двадцать человек. Первая группа – наиболее опытные и физически выносливые бойцы, вторая группа, как уже понятно, середнячки, которые стреляют похуже, бегают медленнее, ну и так далее. А третья группа, как говорится, лучшие из худших, то есть туда набрали тех, кто хоть как-то мог стрелять и так же передвигал ногами во время марш-бросков в тренировочном лагере.

Так уж получилось, что третья группа оказалась сплошным из бывших преступных элементов. Тогда, в 2020 году, когда стало понятно, что стране хана, колонии и тюрьмы закрывались пачками, выпуская своих подопечных на волю вольную. Чаще всего администрация пенитенциарных заведений выгребала все мало-мальски ценное, грузила на вверенный им транспорт и укатывала в неизвестном направлении. А бывало, что зэки успевали захватить власть, и тогда сотрудников ФСИН ждала незавидная участь. Самое парадоксальное, что контингент тюрем и колоний легче всего пережил первые, самые тяжелые месяцы той летней катастрофы 2020 года. Все-таки у них был какой-никакой, а карантин и отдаленность от мегаполисов и больших населенных пунктов, которым досталось больше всего.

Кстати, что бы вы ни думали, но я во второй отряд попал целенаправленно, по собственному желанию, просто в опре-

деленный момент стрелял не так хорошо, как умею, да и бежал медленнее, чем могу.

* * *

9 мая 2020 года в Российской Федерации торжественно и пышно праздновали 75-летие Победы в Великой Отечественной войне. Во многих городах прошли парады военной техники, после которых началось шествие «Бессмертного полка». В Москве и Санкт-Петербурге шествие обещало быть наиболее массовым, и запланировано оно было на вторую половину дня, тем более что в столицу Российской Федерации на торжественные мероприятия приехали лидеры США, Китая, Индии, Кубы, Франции, Чехии, Венесуэлы, Белоруссии, Армении, Молдавии, Сербии, Казахстана, Киргизии, Сирии, Израиля и т. д.

Специально для государственных руководителей стран СНГ, в чьих столицах тоже проходили праздничные мероприятия, в российской столице торжества и были перенесены на вторую половину дня. Шествие колонны «Бессмертного полка» в Москве возглавляли лидеры разных стран. К примеру, Дональд Трамп, президент США, должен был нести в руках плакат с фотографией Василия Мартехова, гражданина США, который в октябре 1943 был посмертно удостоен звания Героя СССР.

Шествие началось в 15.00 по московскому времени. Че-

рез пятнадцать минут после начала шествия, когда многотысячная колонна, возглавляемая лидерами двадцати пяти стран, вытянулась на широком Московском проспекте, высоко в небе раскрылись один за другим три парашютных купола белого, синего и красного цвета. Через несколько секунд из контейнеров, подвешенных на парашютах, вырвались разноцветные дымы, символизирующие государственные цвета флага Российской Федерации, что вызвало бурю восторга среди шествующих. Люди кричали от радости и положительных эмоций. Еще через минуту контейнеры отстегнулись от креплений парашютов и свободно полетели вниз. Спустя несколько мгновений прогремели три мощных взрыва. Ядерных взрыва! То же самое произошло и в небе над Санкт-Петербургом.

Позже было установлено, что контейнеры были сброшены из грузового отсека пролетавшего над Москвой пассажирского Боинга 777-300ER, следовавшего из Пекина в Москву. В Питере смертоносный груз был сброшен с борта авиалайнера Боинг 777-300, следовавшего по маршруту Вашингтон – Санкт-Петербург.

Через час после произошедшего противовоздушная оборона Российской Федерации была приведена в полную боевую готовность, небо над Россией для полетов для всех гражданских самолетов было закрыто. Те авиалайнеры, что были в воздухе, немедленно садились на ближайших аэродромах. Восемнадцать бортов, принадлежащих иностранным

авиакомпаниям, которые в это время были на подлете к крупным городам, не ответили на запросы российских диспетчеров. По странному стечению обстоятельств все эти самолеты поднялись в небо из точки вылета с явным недобором пассажиров, судя по данным, на некоторых бортах было куплено всего пять процентов билетов. После нескольких десятков безрезультатных запросов с земли все восемнадцать самолетов были сбиты. Все авиалайнеры были изготовлены на заводах американской фирмы «Боинг». Последующее следствие и замеры, взятые с места падения самолетов, показали, что ни на одном борту ничего взрывоопасного и запрещенного к провозу не находилось, а в момент подлета к российским городам они находились под внешним управлением, и пилоты самолетов ничего не могли сделать.

Гибель мировых лидеров и сбитые самолеты оказались достаточным поводом для того, чтобы полсотни государств объявили Российской Федерации войну. К активным боевым действиям ни одна из сторон не переходила, потому что все понимали, что победителей здесь не будет.

Какая из держав стояла за совершенным актом агрессии, сразу выяснить не удалось, так как одновременно были убиты несколько десятков лидеров крупнейших стран мира. Возможно, чудовищный террористический акт организовали спецслужбы США, чтобы уничтожить Дональда Трампа и не дать ему переизбраться на второй президентский срок. Возможно, это были спецслужбы Китая, внутри правящей

верхушки которого давно зрели противоречия. Возможно, здесь были замешаны спецслужбы Российской Федерации, так как последние реформаторские действия Владимира Путина очень сильно сказались на силовых структурах России. А возможно, атака была направлена на премьер-министра Израиля или Индии. Но получилось, что сразу во многих странах произошла резкая смена власти и смена политического курса. То же самое ждало и Россию. Кто возглавит страну и убережет мир от ядерной войны, было непонятно.

9 мая 2020 года в самых массовых терактах за всю историю человечества в Москве и Санкт-Петербурге погибло около девяти миллионов человек. Очень многие из этих людей умерли от ран в течение нескольких недель. Тысячи были погребены заживо под обломками зданий. Казалось, что Россия не оправится после такого удара, но уже к июлю 2020 года Казань была объявлена временной столицей Российской Федерации, там же было сформировано новое правительство, которое назначило временно исполняющим обязанности Президента Российской Федерации бывшего главу Дагестана Владимира Васильева. В Екатеринбурге было создано оппозиционное правительство, в которое вошли представители либеральной общественности, возглавил правительство известный в интернете блогер. Во Владивостоке было создано еще одно, альтернативное «всероссийское» правительство. Республики Северного Кавказа попробовали объединиться и закрыть свои границы от остальной России, но у

них ничего не получилось, так как сразу же всплыли былые обиды и споры, регион вновь охватила вражда и кровопролитная междоусобная война.

Российская Федерация начала трещать по швам и расползаться на лоскуты. Впервые к России были применены «не военные» методы ведения войны: сразу во всех регионах перестали работать компьютерные программы и системы обеспечения, поддерживающие работоспособность различных систем социальной структуры. Водоканалы, очистные станции, электроподстанции, медицинские учреждения, органы управления и многие другие жизненно важные объекты оказались «слепы и глухи». Банковская система перестала работать практически сразу после трагедии 9 мая, обычным гражданам были недоступны их средства, находящиеся на расчетных и карточных счетах, взаиморасчеты между организациями и юридическими лицами стали невозможны. Россию отключили от системы международных платежей в начале июня.

В августе 2020 года практически во всех районах России началась неожиданная эпидемия гриппа. Это был новый вирус, который называли обезьяньим гриппом, он являлся измененным и усовершенствованным вариантом вируса SV40. Заболевшие вирусом умирали в течение семи-десяти дней. По странному стечению обстоятельств, наибольшая волна нового гриппа накрыла всю центральную часть России, все города с населением свыше ста тысяч человек. Также эпиде-

мия вспыхнула и на постсоветском пространстве, особенно пострадали столицы и города-миллионники.

К середине осени 2020 года стало ясно, что вирус выведен искусственно и был заранее завезен на территорию России. Граничащие с Россией страны не пропускали российских беженцев на территорию своих стран, что объяснялось мерами карантина. Каждый день на пропускных пунктах от выстрелов иностранных пограничников гибли сотни российских граждан.

В Российской Федерации начались хаос и смута. К декабрю 2020 года со всех сторон в Россию вступили войска специально организованной мировой коалиции под предводительством США и Китая. Интервенты должны были взять под контроль наиболее густонаселенную часть России, чтобы остановить гуманитарную катастрофу. К этому времени число погибших россиян и жителей близлежащих государств бывшего Советского Союза перевалило за сто миллионов человек. Фактически в России умер от гриппа каждый четвертый, а с учетом погибших в ядерном огне 9 мая к концу года россиян осталась едва треть от тех, кто радостно встречал Новый 2020 год.

Несмотря на общую боль и трагедию, как только стало понятно, что российскую границу переходят вражеские силы и началась открытая война, на отпор врага встал каждый, кто мог и хотел в тот момент держать оружие в руках. Враг теснил скудные силы российских военных, но каждый метр рус-

ской земли давался ему с большой кровью. Мужчины и женщины вновь уходили в леса, организуя партизанские отряды. Подростки вновь бросались под танки, обвязанные гранатами, повторяя подвиг своих сверстников пионеров-героев времен Великой Отечественной войны.

20 декабря 2020 года остатками вооруженных сил Российской Федерации был нанесен ракетный ядерный удар по территории тех стран, чьи войска вторглись в нашу страну. Помимо ракет в действие были приведены и ядерные заряды малой мощности, которые были заранее размещены вблизи органов управления и больших городов, не только стран Западной Европы и США, но и Китая, Японии и некоторых ближневосточных государств.

Одновременно с ядерными зарядами в действие были приведены элементы бактериологического и сейсмического оружия. Около сотни приморских городов по всему миру были уничтожены сильнейшими цунами. В США началось частичное извержение Йеллоустоунского вулкана. В районах с повышенной сейсмической активностью произошли мощнейшие землетрясения. Облик планеты Земля изменился раз и навсегда!

...а зачем нам такой мир, если там не будет России?

– Эй, бро, ты чего молчишь? Дуешься, что ли, до сих пор?

Удивленный возглас Ванька вывел меня из ступора нахлынувших воспоминаний.

– Нет, просто старую жизнь вспомнил. Ну что, погнали догонять наших?

– Какое там! – неожиданно расстроенным голосом взвыл Ваня. – Ты что, не слышал, как старшой приказал нам охранять эти лайбы на берегу.

– Епать-копать! – раздосадовано выругался я. – Да-а, так я миллион не заработаю!

Солнце уже выглянуло из-за горизонта, и ночная серая хмарь постепенно окрашивалась в светлые, утренние тона. Скоро станет совсем светло. Причем это, как говорится, одновременно и хорошо, и плохо. С одной стороны, нам будет все видно, а с другой стороны, и врагам нас будет легче засечь.

Со стороны поселка вновь послышались выстрелы, к треску автоматов Калашникова добавились уханье дробовиков и легкий скулеж американских «эмок», потом вступили пулеметы и несколько раз ухнули гранаты. Боевые действия разворачивались не на шутку, похоже, в поселке с охраной было все в порядке.

– А впрочем, можно и лодки поохранять, – едва слышно

прошептал я, комментируя разворачивающуюся поблизости стрельбу.

– Эх, там сейчас вон как весело, а мы здесь, на берегу киснем, – сокрушался Ванек.

Я абсолютно не разделял страсть Ванька поучаствовать в боевых действиях. Оно мне надо? Нет, если надо, если припрет нужда или прикажут, то ясен перец, пойду, куда скажут, но по собственной инициативе лезть на пулеметы? Тут уж увольте. Мне как-то жизнь дороже, своя рубашка ближе к телу!

Пока Ванек все высматривал, что там происходит в поселке, я выломал пару досок из деревянной халабуды и, кинув их на песок под бетонной плитой, устроился поудобней для выполнения поставленной задачи, а именно: охранять лодки.

Болтун нервно побегал по пляжу, потом немного успокоился и уселся рядом со мной. Видя, что паренек хочет чего-то спросить, я порылся в кармане и достал оттуда кусок черствой лепешки, протянул Ваньке. Тот отломил чуть-чуть и принялся жевать. Молча! Ну, слава богу, хоть немного в тишине посидим. Может, и вздремнуть получится.

– Бро, а ты кем был до Катастрофы? – неожиданно тихим, печальным голосом спросил Ванька.

– Аспирантом в университете, преподавал историю политических и правовых учений, ну и еще пару дисциплин на подмене, – так же тихо ответил я. – А ты?

– Одиннадцатый класс только закончил, ЕГЭ сдать не

успел. Хотел в универ поступить. А у тебя родители живы?

– Нет, но они еще до Катастрофы умерли, так что мне как-то легче было все это пережить. Когда надо только о себе заботиться и нет рядом родни, то оно как-то легче.

– Это точно, – согласился Ванек. – У меня только старшая сестра выжила. Мамка, батя и младший брат – все погибли.

– Соболезную, – дежурной фразой отозвался я.

– Спасибо! – неожиданно проникновенно, ответил парень. – Ты не злишь, что я так много говорю, это у меня нервное.

– Все нормально, ты просто говори потише.

Ванек дальше жевал молча, я свой кусок лепешки до конца не доел и спрятал огрызок обратно в карман.

– А ты в Керчи когда-нибудь был? – задал неожиданный вопрос собеседник.

– Проездом был, по Крымскому мосту проезжал в обе стороны, – ответил я.

– Керчь – это самый лучший город на Земле, он, между прочим, самый старый город в России, – неожиданно выдал Ванек, чем неожиданно немного приподнялся в моих глазах.

– А разве не Дербент самый древний город в Российской Федерации?

– Нет, конечно! – с жаром выпалил парень. – Керчи две тысячи шестьсот двадцать три года. Дербент младше нас! – гордо выпятив грудь, заявил Иван.

– Похвально, – одобрил я его любовь к родному городу. –

Откуда ты все это знаешь?

– Ну мне в школе всегда история хорошо давалась и на олимпиады по краеведению постоянно ездил, опять же, когда начался обмен ракетными ударами, то я в подвале библиотеки прятался, там и начитался книг. Слушай, а может, ты чего о Керчи знаешь? Ты мне расскажи, я хочу собственную книгу написать, а то, сам понимаешь, человечеству ведь совсем капец, еще чуть-чуть – и начнется каменный век. Должен же кто-то и историю для потомков записывать. Ну а кто кроме нас с тобой, таких умных людей, это должен делать?

Я аж обомлел от такого поворота событий. Ничего себе! Геродот выискался, Тацит, мать его так, керченского разлива!

– Ну, честно говоря, Причерноморье никогда не входило в область моей специализации, так, кое-чего можно вспомнить, но не прям сейчас. Давай попозже, вот разберемся с турками, потом и поговорим в спокойной обстановке.

– Лады, – согласился керчанин, – но мне не обязательно из истории, можно и что-нибудь посовременней. К примеру, тот факт, что Крымский мост – самый протяженный в Европе. Можно что-то из подобного.

– О'кей, – нахмурился я. – Ну тогда вот такой пример: по Керченскому проливу проходит граница между Европой и Азией. Хотя тебе, наверное, это и так известно.

– Чего?! – удивленно вытянул физиономию Иван. – Это

как? Чего-то ты не то говоришь, бро! Все знают, что граница между Европой и Азией проходит по хребту Уральских гор.

– Ты что, правда не знаешь, где проходит вся граница между Европой и Азией? – искренне удивился я. – Впрочем, чего от вас, поколения ЕГЭ, еще ждать. Вы ведь знаете только то, что есть в вопросах к экзамену. Вспомни учебник по географии: где заканчивается Европа и начинается Азия? Турция – это, между прочим, уже не Европа. Правильно?

– Ну вроде того, – еще больше нахмурился парень, как будто действительно пытался вспомнить учебник по географии.

– Так что при случае можешь с гордостью всем заявлять, что Керчь – последний оплот цивилизованной Европы, а по ту сторону Керченского пролива – уже дикая Азия, – пошутил я. – Ты что, и правда этого не знал?

Неожиданно со стороны поселка послышались крики, причем звучали они довольно близко. Поднявшись с песка, я выглянул из-за плиты, которая отгораживала нас от внешнего мира. Со стороны поселка в нашу сторону бежало около десятка разномастно одетых людей. Среди бегущих было несколько женщин, укутанных в серые покрывала – хиджабы, пара мужчин среднего возраста, ребенок с резиновым мячом подмышкой и какой-то тип в бабском халате, а еще трое стариков ковыляли позади всех, активно помогая себе длинными палками – посохами.

– Че делать-то будем? – прошипел у меня за спиной Ванек.

– Стрелять! – решительно ответил я, снимая автомат с предохранителя. – У нас четкий приказ – охранять лодки.

Вскинул автомат, направив ствол вверх, дал короткую очередь.

– Стоять!!! – что есть сил заорал я, потом добавил по-английски: – Стоп! – Немного помедлив, вспоминая обрывки турецкого, рывкнул: – Дурмак!

Турки не обратили ни малейшего внимания на мои лингвистические потуги и продолжали бежать к берегу.

– Стоять!!! – еще раз крикнул я и открыл огонь из автомата.

Короткая очередь поверх голов бегущих. Турки снова совершенно не обратили на нее внимания, я перевел прицел автомата ниже и дал еще одну короткую очередь. Целился в толстяка в женском ярком халате. Во-первых, он бежал немного впереди всех, а во-вторых, своим внешним видом он сильно выделялся на фоне остальных однотонных одежд.

Толстяк споткнулся, перешел на шаг, потом совсем остановился и упал лицом вперед. Разом, как по команде, остановились все бегущие. Они окружили толстяка и заголосили на разный манер: бабы бухнулись на колени, старики замахали своими клюками, девочка просто стояла столбом, держа в руках свой мячик, а пара мужиков среднего возраста захлопотали вокруг толстяка, приводя его в чувство. Один из стариков поперся в нашу сторону, чего громко крича и гневно размахивая своей клюкой. Из его эмоциональной тирады я

понял только то, что они с кем-то о чем-то договорились.

– Стоять!!! – выкрикнул я, стреляя под ноги шедшему в нашу сторону старику. – Дурмак, мать твою, дебил старый! Пристрелю на хрен!!!

Старик на мгновения остановился, но потом вновь сделал решительный шаг вперед.

– Леха, у толстяка под халатом жилет! – зашипел Ванька. – Наверное, пояс шахида!

Я глянул на копошившихся мужчин возле застреленного мной толстяка и обомлел. Один из мужиков распахнул полы цветастого халата и возился с застежками жилета. Точно! Пояс шахида.

– Огонь! – коротко рявкнул я, открывая огонь из автомата.

Рядом зачастил автомат Ивана. Первой очередью я сбил мужиков, наклонившихся над телом толстяка, потом перевел огонь на идущего к нам деда, тот как раз испуганно присел на землю, прикрывая голову руками. Остатки патронов в магазине я добил по одному из дедов, который отползал в сторону. Ему попало пулей в бедро и, похоже, перебило какую-то крупную артерию: за ним оставался широкий кровавый след.

Одна из женщин схватила девочку за руку и улепетывала с ней прочь от нас, держа ее крепко, фактически волоча по земле, ребенок, в свою очередь, свободной рукой вцепился за мяч и не выпускал его. Почему-то именно яркое желтое пятно резинового мячика, который так крепко держала дет-

ская рука, врезалось мне в память. Я даже на несколько секунд затупил, стоя как баран и глядя на убегающую женщину с ребенком.

– Епта, бро, че теперь делать? Мы же их убили, – испуганно прошептал Ваня.

– Ага, убили, – согласился я, меняя магазин в автомате. – Перезарядись, – приказал я. – Отойди чуть в сторонку и прикрывай меня. Пойду, посмотрю, чего мы там настреляли.

– А вдруг пояс взорвется? Может, ну его на фиг!

– Отойди, я сказал, и прикрывай. Только не тупи и смотри по сторонам. Выполнять! – рывкнул я.

Ванька отбежал на пару метров в сторону, сменил магазин в автомате и, присев на одно колено, принялся следить за округой, воинственно поводя стволом автомата в разные стороны.

Медленно переступая, я пошел к лежащим на песке трупам. Толстяк в ярком халате возвышался над остальными телами, как Эверест среди пологих холмов. При жизни он, наверное, весил не меньше ста пятидесяти килограммов, а может, и того больше. Пули попали ему в живот, разворотили брюхо и выпустили наружу склизкие синюшные кишки. Зрелище было премерзкое, вонища ужасная, и я мысленно похвалил себя, что не позавтракал перед выездом. Точно выплеснул бы сейчас все наружу. Вмиг захотелось пить, во рту пересохло, но тянуть из рюкзака флягу не хотелось. Помимо толстяка, двух мужиков среднего возраста, трех стариков

досталось и двум женщинам в серых одеждах. Получается, в живых остались только ребенок и одна тетка. Повезло им!

Тела лежали в разных позах, кто-то из них умер сразу. Мужчины точно погибли в первые же секунды, ведь мы с Ваньком целились именно в них. А вот теткам досталось случайно, по крайней мере я в них вообще не целился, но когда шьешь длинными очередями, а до цели нет и двадцати метров, то тут не мудрено попасть не в того, в кого хотел.

Одна из женщин была еще жива, она лежала на боку, поджав ноги, и тихо скулила, едва слышно что-то шепча. Может, надо было ей оказать первую помощь, но у меня даже аптечки не было, только один-единственный ИПП. Поможет ей перевязка, когда пули попали в живот и в грудь? Сомневаюсь!

Внимательно следя за руками раненой дамочки, я огляделся вокруг. Тела как тела. Старики в заношенных мешковатых хламидах. Мужики в старых застиранных рабочих комбинезонах. Женщины в серых длиннополых одеяниях. Вроде все обыденно, ничего интересного, серость и убогость турецкой глубинки.

Толстяк! Стоп! На нем же жилет! Видимо, только что пережитая стрельба и убийство гражданских плохо на меня повлияли, и я совсем забыл, зачем подошел к мертвым телам. Я ведь хотел рассмотреть, что там за жилет надет был на толстяке.

Никакой это был не пояс шахида. Обычная кожаная жи-

летка с многочисленными карманами. Судя по внешнему виду, карманы были пусты. Я даже охлопал парочку. Действительно пусты. Чего же тогда с толстяка пытались снять жилет? Что в нем такого?

Заглянув за спину толстяка, я заметил, что у него на спине какие-то непонятные бугры. Так, может, все-таки это пояс со взрывчаткой, только заряд не спереди, а сзади? Нет, не похоже!

Я аккуратно разрезал ткань халата ножом и обомлел. На спине у толстяка были прикреплены мешочки с чем-то тяжелым внутри. Судя по очертаниям, это были монеты, причем, можно дать зуб, что они были из золота. Вот так удача! Оба мешочка тут же перекочевали в один из подсумков. А жизнь-то налаживается!

– Кхе-кхе! – прокашляла рядом раненая тетка.

От неожиданности я вздрогнул, отшагнул в сторону и чуть было не шлепнулся на задницу. Сзади коротко треснул автомат, пули попали умирающей женщине в голову, она дернулась, и песок в районе затылка окрасился медью.

– Бро, ты как, нормально? – крикнул Ваня.

– Да, – отозвался я. – Сгоняй к лодкам, там были пластиковые канистры с бензином, притащи, одну сюда.

Паренек тут же бросился исполнять приказ. Я ощупал одежду мужиков и у одного в кармане брюк нашел небольшой револьвер, стального цвета, рукоять с черными резиновыми накладками, где была изображена бычья голова со

склоненными к земле рогами, на стволе выбито «Taurus». Барабан на пять патронов. Полный. Калибр 9 мм. В карманах запасных патронов не было. У второго мужика нашел самодельный нож и пачку с турецкими лирами. В тонкой пачке было штук двадцать банкнот номиналом в двести лир каждая. Вот только деньги были основательно залиты кровью.

Больше ничего интересного. Стариков и женщин я обыскивать не стал. Прибежал Ваня, притащил десятилитровую канистру с бензином. Я взял канистру у него из рук и вылил содержимое на трупы, потом привинтил немного крышку и сделал дорожку, чтобы можно было поджечь на расстоянии. Ванек молча следил за моими действиями, никак не комментируя их.

Мы спрятались за бетонной плитой и смотрели, как оранжевая змейка мчится к мертвым телам. Полыхнуло пламя, и через пару минут в нашу сторону дунуло воню горящей плоти.

– Фу-у-у-у! Зачем ты их поджег?! – наконец решил спросить Ваня. – Вонь такая!

– Лучше присядь, а то вдруг сейчас рванет чего-нибудь под телами, – посоветовал я.

– А ты чего там нашел? – спросил паренек, прячась за плитой.

– Вот. – Я поочередно достал из подсумка револьвер и пачку с деньгами.

Мешочки с чем-то тяжелым внутри я светить не стал. Во-

первых, я жадный, а во-вторых, Ванька не тот человек, которому можно доверить тайну, у него язык без костей, и этот болтун запросто может спалить мою находку. Конечно, чисто по понятиям, надо бы разделить найденное пополам, но если меня замучает совесть, то я лучше сделаю это потом, когда мы вернемся в родные пенаты. Так оно надежнее будет.

– Ух ты. Какая лялечка! – Ванек тут же заграбастал револьвер и принялся им играть. – Повезло тебе! Знатный трофей.

– Дарю, – смиловившись я, легкомысленно махнув рукой. – Если нравится, забирай себе.

– Конечно, нравится. Это же «Таурус» девятьсот пятый, барабан рассчитан на пять патронов девять на девятнадцать, парабеллум. Кстати, а запасных патронов не было?

– Нет, – развел я руками. – Хотя, может, и были, но я не нашел.

– А ты как мор пережил? – неожиданно спросил Ванька, закрывая рукавом нос. – У нас в Керчи тела зараженных стаскивали в карьер за городской свалкой и там жгли, такая же вонища стояла. Полгода жгли!

– Повезло, – буркнул я. – Забухал я тогда, вот и пропустил начало Эпидемии.

Волну тяжелого смрада горячей плоти отнесло в сторону поселка, и дышать стало полегче. Но, видимо, кому-то из наших собратьев по оружию вонь обугленных трупов тоже не пришлась по вкусу, потому что совсем скоро я заметил, что

в нашу сторону бегут трое бойцов.

— Вань, давай договоримся, что скажем, что мы стрелять начали, потому что заметили у одного из них возможно пояс шахида, а у другого — пистолет. Идет?

— Конечно, бро! — кивнул паренек. — Только учти, что пестик я никому не отдам.

Ребенку в руки попала игрушка, и теперь он с ней не расстанется. Спать будет с этим револьвером, кушать, в сортир ходить... пока не отстрелит себе чего-нибудь.

С бегущими в нашу сторону бойцами вышло весьма забавно: когда они поравнялись с дымящимися трупами, среди обугленного мяса начали взрываться патроны. Значит, все-таки где-то в карманах был БК к револьверу. Бегущие тут же брызнули в разные стороны и, попадая на землю, принялись активно искать укрытие. В нашу сторону посыпались ругательства и угрозы. Я тихо ржал, сползая за бетонную стенку, Ванька тоже прыснул смешком, глядя, как наши собраты по оружию ныкаются по ямкам.

К застреленным мирным жителям я не испытывал никакого сочувствия. Турки нас что-то не сильно жалели, совершая набеги на южные границы, так чего же мне их жалеть?

Прибрежный турецкий поселок насчитывал около полусотни жилых домов, мужчин сейчас в нем было не больше дюжины, остальные в полном составе умотали пару дней назад в неизвестном направлении, поэтому в охране поселка участвовали женщины. Именно одна из таких защитниц на-

несла нашему воинству самые ощутимые потери, она расстреляла из автомата троих придурков из третьего взвода, которые, вместо того чтобы держать оружие в руках, стаскивали трусы с какой-то малолетки. Сестра этой девчушки насильников и порешила, ее никто жалеть не стал, и обеих сестер застрелили во время обстрела их дома.

Зачистка поселка продолжалась до обеда, всех выживших жителей согнали в одно место – пересохший бассейн, где оставили под присмотром охраны. Молодую и наиболее привлекательную женскую часть поселка охраняла дополнительно пара парней из первого взвода. Похоже, командование нашей шайкой решило, что хватит терять бойцов из-за излишнего спермотоксикоза у них.

Турецкое поселение зачистили, заняли их блокпосты на въезде и выезде из селухи, к причалу подошел небольшой сухогруз класса «река – море». Грузчики понемногу начали стаскивать все ценное к причалу, готовя трофеи к погрузке.

Спецуха, погрузившись в свои багги, укатила в неизвестном направлении. Сейчас они разведывают близлежащие селения, выявят самое богатое и незащищенное, и мы выдвинемся к его захвату. Такие вот современные реалии 2023 года.

Честно говоря, мне происходящее нравилось все меньше и меньше, как-то было много несостыковок. К примеру, спецуха. Двенадцать хорошо экипированных и подготовленных бойцов, со своим вооружением и техникой – две багги и двухосный КамАЗ. Что такого мог предложить им хозяин

сухогруза, раз они согласились на этот рейд? В захваченном турецком поселке ничего особо ценного пока не нашли. Ну, разграбили полсотни домов, захватили кое-какую технику, провизию и прочие ништяки, но этого всего было так мало, что не получилось заполнить даже десятой части пустых трюмов. Значит, у Хозяина есть какие-то определенные цели, есть что-то ценное, и спецуха должна это найти.

– Иваныч, ну, что готово? – дернул меня Ванька. – Пахнет так вкусно, что спасу уже нет терпеть.

– Пять минут, напарится, и будем хомячить, – пообещал я, глядя на прикрытую тряпкой крышку казана.

Казан, рис, специи и курей мы захватили в доме, где устроились на ночлег. Мы – это я, Ваня Тихий (капец, у болтуна Ваньки оказалась фамилия Тихий), пулеметчик Серега Могила и Петрович.

Если по порядку, то после охраны лодок на пляже и нашего героического уничтожения группы турок, вооруженной одним револьвером и одним ножом, нас с Ваньком послали на зачистку жилых построек. А чтобы нам веселее чистилось, дали в усиление двух бойцов из первого взвода – молодого бугая по имени Сергей, вооруженного ПКМом, и его второго номера, низенького худощавого мужичка среднего возраста, который отзывался на отчество Петрович. Разговаривал Петрович на жуткой смеси русских и украинских слов, родом он был с Кубани, но за глаза его звали Хохлом.

Меня в этой группе назначили старшим. Фронт работ

определили просто:

– Видите эту улицу? – сказал борода с РПК (все забываю, как его зовут). – Идете по этой стороне, а я с остальными – по другой. И смотрите, нас по ошибке не подстрелите, у этих хибар стены тонкие, пуля насквозь проходит.

Пулеметчик Серега был молчалив до безобразия, за те двенадцать часов, что я его знаю, он проронил всего два слова – и оба матерных. Первое слово (собака женского рода) он изрек, когда рядом рванула граната, а второе (женщина с пониженной социальной ответственностью), когда я дернул его за ремень, оттаскивая от дверного проема, в который через секунду влетел залп картечи. На вид пулеметчику было лет восемнадцать-двадцать, он был высок, широк в плечах, с бледной кожей, светлыми волосами и пухлыми губами, которые вечно кривил и сжимал. Внешне очень походил на древнерусских богатырей, которых изображали на иллюстрациях к былинам. Странный был парень, как будто не из этого мира. Хотя о какой, к черту, норме можно рассуждать в мире, где все перевернулось с ног на голову?

Петрович, как я уже говорил, был неприметным мужичком средних лет, тихим и незаметным. Весь такой никакой, средних лет, дядька, непонятно каким раком решивший податься в корсары. Пират из него был, как из сами знаете чего пули. Ну да ладно, коробки с пулеметными лентами тягает, и то хорошо.

Вернемся к Ваньку. Иван Тихий (Господи, ты чем думал,

когда давал ему такую фамилию?), двадцатилетний балбес, невысокий, крепенький, увлекающийся спортом и мечтающий стать спецназовцем. Он разбирался буквально во всем, а в чем не разбирался, то делал вид, что разбирается и понимает. У него на любое явление в этом мире было свое собственное мнение, причем зачастую прямо противоположное его собственным высказываниям. Он спорил с окружающими не ради истины, а ради спора.

При этом, самое удивительное, Ванек и Серега как-то быстро сдружились, причем выглядело это весьма забавно: один трещал без умолку, а другой его внимательно слушал и периодически кивал, явно соглашаясь со сказанным.

Кто первым обозвал пулеметчика Могилой, я сейчас уже не вспомню, но прилипло сразу, впрочем, не удивлюсь, если это был Ванька Болтун. Тихого, кстати, так и называли – Болтун.

Ну а Петрович был, как говорится, человек ни о чем. Вроде и есть, а исчезнет – и никто его пропажи не заметит. Одно слово, второй номер, потаскун для пулеметных коробок.

Командование в лице бородатого здоровяка с РПК (черт, да как же его зовут?) решило, что для этой самой тройки я – лучший лидер. Наверное, просто вид у меня такой, что посторонним людям кажется, будто я шибко умный и опытный.

– Болтун, как зовут нашего взводного? – крикнул я в оконный проем.

В ответ – тишина. Странно... Обычно на любую возмож-

ность поговорить или ответить на заданный вопрос Ванек откликался с пионерской готовностью.

Я подхватил автомат и вышел наружу. Во дворе никого нет, только где-то поблизости, в саду слышны звуки тихой перебранки. Пошел туда, чтобы разведать, кто это тут баргозит. В саду, засаженном вишневыми деревьями, которые сейчас были украшены белыми цветами, было свежо и чудесно. Воздух наполнен запахами весны и цветочной пыльцы. Немного портила эту идиллию вонь горящего пластика и смрад от обугленных трупов, но к ним я как-то уже привык.

Посреди сада Ванька переругивался с двумя уголками из третьего взвода. Два худющих мужичка явно криминальной наружности тащили через наш сад какого-то подростка. Помимо пацана у них в руках еще было несколько баулов с разномастным цветным тряпьем. Подросток выглядел неважно, он был сильно избит, руки так туго связаны проволокой, что кожа под металлом лопнула и оттуда сочилась кровь. Уголки бросили мешки, один продолжал держать пацана, а второй чего-то втолковывал Болтуну. Позади Ванька монументальной скалой возвышался Серега, но он, по своему обыкновению, молчал. Петровича нигде не было.

– Че орете? – вяло поинтересовался я.

– Слышь, старшой, убрал бы ты своих малолеток, а то как бы не было беды, – сквозь зубы прошипел боец, державший на болевом захвате турецкого пацаненка.

– Иваныч, ты прикинь, они поймали турчонка и хотят его

изнасиловать. А он, – Ванек ткнул пальцем в связанного пацана, – он наш. Русский!

– Помагы, пажалуйста, – коверкая русский, тут же промямлил пацаненок. – Я – русикий, я – свой!

– Вот! – зарычал Ванек. – Отпускайте его!

– Слышь, пистон малолетний, если мы его сейчас отпустим, то мы тебя потом опустим! Понял? – прорычал второй уголок.

Бамс! Я тут же, не раздумывая, двинул ногой в пах угрожавшему Ваньку бойцу.

– Руки! Руки вверх! – Ствол автомата буквально впился в ошалевших уголовников. – Вы че, попутали? Кого вы тут опускать собрались? Серый, разоружить обоих! – приказал я пулеметчику.

Могила тут же сдернул автоматы с обоих бойцов третьего взвода, а подскочивший Болтун выдернул у одного из них пистолет из открытой кобуры, висевшей на поясе на манер ковбойских. Через минуту оба бойца были разоружены и освобождены от подсумков с магазинами.

– Че за дела? – набычился один из уголков.

– Сейчас за базар ответите или старшего позовем, чтобы разрешил наш спор? – спросил я. – Кто вас за язык тянул? – С этими словами я взял в руки пистолет уголовника и с силой вжал ствол ему в лоб. – Как говорил один усатый грузин: нет человека, нет проблемы. Ванек сгоняй к ограде и смотри, чтобы никто не шел, Серега, а ты этот тюк, – я мах-

нул стволом пистолета в сторону баула с тряпьем, – уложи на этих двух фраеров. Мне надо, чтобы звук выстрела был не слышен.

Чтобы вы понимали, я сейчас говорил совершенно несерьезно, я ни капельки не планировал убивать своих сослуживцев, пусть и таких моральных уродов, как эти. Блин, у нас тут каждый ствол на счету, не хватало еще друг дружку перестрелять. Но Серега и Ванька, кажется, совершенно не поняли моего настроения, я-то думал, что они бросятся меня уговаривать, чтобы я помиловал этих уродов, а они – ни фига, тут же бросились выполнять мои прямые приказы. Ванька поскакал к ограде и оттуда прокричал, что все нормально, дескать, чисто, можешь их валить на хрен. Прямо так и заорал: «Чисто, вали их на хрен!» Интересно, на этот крик уже бежит сюда добрая половина нашего отряда или только его малая часть? Ну а Серега, в свою очередь, тут же сбил ударом ноги одного из уголовников и набросил на него тук с вещами.

– Братка, не надо, не стреляй! – взвизгнул один из уголков. – Да забирайте себе этого турчонка, он нам и в буй не впился!

– Дело не в пацане, дело в твоих словах, – грозно произнес я, мысленно сдерживая смех. – Ты моего младшего брата опустить хотел, такое прощать нельзя.

– Да ты чего?! Да ты не так понял!!! – опешил от такого поворота уголков. – Да мы никогда! Ты чего? В натуре, чест-

ное пацанское слово, вот тебе крест!

– Сто золотых монет! – строго сказал я. – За базар надо отвечать!

– Братка, ты че?! – выпучил глаза уголок. – Побойся бога! Давай по-братски разойдемся миром? Откуда у раба божьего столько?

Мужичок принялся извиваться всем телом и рыдать. Получалось у него весьма реалистично и натурально, я бы даже поверил, будь на моем месте я трехлетней давности, до Катастрофы. Тогда я вообще был человеком доверчивым и немного наивным, многим верил на слово, за что чуть было не присел на пару лет.

– Ладно, живите, – смилостивился я. – Вечером принесете по десять монет каждый. Тогда же и оружие свое заберете.

Уголовников развязали и отпустили, те ушли огородами, на ходу о чем-то переговариваясь. Я нисколько не сомневался, что для нас это так просто не пройдет, и, скорее всего, эти двое будут мстить. Но мне как-то на это было плевать, в конце концов, сейчас времена другие, теперь очередь из автомата в упор есть последний аргумент в споре. Нас трое, а если считать еще и Петровича, то четверо, у нас есть пулемет, автоматы, гранаты и много патронов. Перемелем, если что, не одного уголка. Опять же одна из задач, которые я ставил перед собой, отправляясь в этот рейд, – это организовать свою собственную, верную только мне команду. Мне нужны были такие парни, чтобы пошли за мной в огонь и в

воду. Собственно, туда я и собирался, как только хорошенько подготовлюсь.

– Иваныч, не надо было их отпускать, – в кои-то веки серьезным тоном произнес Болтун. – Они же вернутся.

– Ванек, напоминаю, что это ты нас в эти разборки втянул. Дался тебе этот турчонок. Жрали бы сейчас плов и не думали, как с уголовниками краями разойтись.

– Да, но так нельзя, – с вызовом сказал Ванек. – Нельзя всяким сволочам позволять творить беспредел, тем более пацан – наш, русский!

– Поддерживаю! – произнес свое третье по счету слово за сегодняшний день Серега.

– Охренительная логика, – покачал я головой. – Вы прекрасны в своей простоте. Как только выжили в этом дерьме, что творится вокруг? Ладно, распетляем как-нибудь, пошли жрать плов, он уже настоялся. И руки перевяжите этому, вашему... русскому!

Петровича мы нашли в доме, он, зараза такая, сидел себе за столом и прямо из казана жрал плов. Я настолько онемел от такой наглости, что даже не нашел слов, чтобы как следует его пропесочить. Поэтому молча достал тарелки и разложил остатки плова в них, даже пленному пацаненку досталось немного. На десерт была вареная курица – пара штук небольших курчат. Мясо разломал пополам, каждому по половинке курицы. Турчонку досталась плошка с бульоном.

После сытного обеда чертовски захотелось спать. Глядя

на сидящих за столом парней, понял, что и им тоже.

– Я – спать, Петрович – в охранение, и чтобы никого внутрь не пускать, глядеть в оба, если что, орать как резанный. Серега, проверь все оружие, почисть и набей магазины патронами. Ванек, ты обшмойнай весь дом и собери все ценное из расчета, что нам надо будет ночевать в другом месте и под открытым небом. Одежда, теплая одежда, жрачка, посуда, вода, ну и какую-нибудь телегу или тачку раздобудь. И у своего нового корефана смажь раны, а то, не дай бог, заражение схватит. Уяснили? Выполнять!

– Турчонок, теперь за тебя базар. Ты хоть понимаешь, что твоя жизнь сейчас висит на тоненьком волоске? – обратился я к пареньку и, увидев утвердительный кивок, продолжил: – Берешь лист бумаги, карандаш и пишешь на нем сочинение на тему «Почему меня нельзя убивать». Понял? Нет? Поясню. Сейчас тебя проще застрелить, чем вносить раздор в наш такой разношерстный коллектив, поэтому тебе надо поднапрячь мозги и изложить на бумаге свои мысли по поводу того, что может представлять интерес для нас. К примеру, может, ты знаешь, у кого здесь есть схрон, тайник или еще чего ценного. Или, может, где-то по соседству есть одинокая усадьба, в которой живет богатый нувориш. Ну, короче, если хочешь жить, думай, чем ты можешь нам помочь.

– Эфенди, я не писать по-русикий. Говорю едва плохо, – скривился подросток. – Как писать?

– Другими языками владеешь кроме турецкого и плохого

русского? Спик инглиш?

– Ес, ес, – радостно закивал головой пацаненок и тут же выдал длинную фразу на английском.

Из монолога турчонка я понял, что если мне, господину офицеру, так будет проще, то он все готов изложить на английском или французском языке. Зовут его Исмаил, ему пятнадцать лет, родители его погибли от Заразы, и здесь его приютили дальние родственники по отцовской линии. Мать Исмаила – русская, а точнее – из Крыма, а еще точнее – из Керчи. Папа – коренной турок, долгое время проживавший в различных странах бывшего СНГ, где представлял интересы пивоваренного концерна «Эфес».

– Ванек, – крикнул я Болтуну, копающемуся в шкафу. – Прикинь, а турчонок-то наполовину керчанин, считай земля твой, мамка его из твоей селухи родом!

– Что-о-о-о?! – взревел Иван. – Да ладно?! Ну вот!!! Я ж как жопой чувствовал, что нельзя его на растерзание этим уродам отдавать! Земеля, братан!!! – С этими словами он подскочил к непонимающему ничего пареньку и сграбастал его в объятия. – Да я ж за тебя теперь любого порву! Мы ж, керчане, друг за дружку горой! Брателла!!!

Пацаненок явно ошалел от такого поворота событий и попытался высвободиться, но куда там. Ванек встретил земляка, керчанина!!! Можно гасить свет и всем расходиться!

– И, кстати, Керчь – не селуха! Между прочим, это самый древний город на территории Российской Федерации, его ис-

тория насчитывает...

– Стоп! – прервал я пламенную речь Тихого. – Вон ему и рассказывай, а я твоим Мухосранском сыт по горло. Я спать, а вы чтобы шуршали, как рабы на галерах!

С этими словами я ушел в соседнюю комнату и, расстелив пару трофейных одеял на полу, приготовился вздремнуть пару десятков минут. За стеной Болтун радостно бубнил, втирая Исмаилу историю родного города. У нашего Ваньки помимо страсти к оружию и желанию стать крутым спецназовцем был в голове небольшой (хотя какой, к черту, небольшой, он был большой, просто огромный) пунктик по поводу его родного города Керчи. Он этот свой городишко приплетал ко всему, о чем говорил, и по всем его разговорам выходило, что лучше города на земле быть просто не могло.

Честно говоря, я в Керчи не был, но мне почему-то туда точно не хотелось попасть. Если там хотя бы половина горожан такая же прибабахнутая, как наш Ванька, то чур меня от таких путешествий.

Под монотонный бубнеж Тихого я и уснул.

* * *

– Ну что, господин Седов, вы меня точно хорошо поняли? – строго спросил следак. – Отлично, тогда подпишите здесь и здесь. Все, можете быть свободны, из города попрошу не выезжать.

– Мне избрана мера ограничения? – сварливо спросил я.

– Нет... Пока нет, – тут же вернул мне колкость следователь. – Пока можете быть свободны, я всего лишь вас прошу не покидать пределы города. А вы что, планируете уехать?

– Да. Наш вуз идет организованной «коробкой» в Москве на «Бессмертном полку», я, как аспирант, один из организаторов этого процесса. Так что планировал на девятое-десятое мая быть в столице. Можно?

– Конечно, можно. День Победы – это святое, в этом году, кстати, под этот праздник даже амнистию организовали. Жаль, что все эти ваши делишки так поздно всплыли. – Следак гнусно ухмыльнулся. – Чуть бы пораньше, и могли бы получить срок и тут же выйти на свободу по амнистии. Шучу! Ладно, телефон ваш у меня есть, так что будьте на связи.

Я понуро кивнул и поплелся наружу. Вот такой подарочек мне подгадала судьба-злодейка к майским праздникам. Я, конечно, сам виноват, никто на аркане не тащил в криминальные и коррупционные схемы влезать, легких денег захотелось, вот теперь и закупайся теплыми носками и чайной заваркой. Обидно, ведь в схеме я был лишь мелкой пешкой, получавшей крохи с барского стола, но, судя, по поведению следака, козлом отпущения решили сделать все-таки меня. Но, как известно из древней мудрости, загнанная в угол мышь опасней льва! Тем более что мышь умна и за последние пару лет приобрела нехилый опыт и кое-какие связи.

– Алексей? – окликнул меня женский голос в тот момент, когда я уже открывал дверь своего трехдверного «крузака».

– Да? – оглянулся я.

На стоянке стояла вишневая «Мазда CX9», за рулем которой сидела хорошенькая дамочка позднего бальзаковского возраста. Госпожа Разумова собственной персоной. Интересно, что этой бюрократической акуле из администрации университета понадобилось от меня. Сомневаюсь, что эта встреча случайна. А ведь я даже не подозревал, что она знает, как меня зовут.

– Есть пара минут для серьезного разговора?

– Конечно, до пятницы я совершенно свободен. Кофе? – кивнул я в сторону ближайшего бистро. – Или в машине поговорим?

– Езжайте за мной, тут недалеко, спокойное место и без лишних ушей.

Я согласно кивнул, сел в свою машину и поехал вслед за вишневой «японкой». Ехать действительно было недалеко, буквально пару кварталов, и мы приехали в небольшой жилищный комплекс, состоящий из четырех девятиэтажек, стоящих квадратом, в центре которого расположились небольшой сквер, фонтан и детская площадка.

Разумова зашла в один из подъездов, я молча шел следом, на ходу вспоминая, как ее по батюшке. Звали ее точно Карина, а по отчеству, кажется, Георгиевна. А может, и нет? Не помню. Мы с ней по работе вообще не пересекались, нашу

кафедру обслуживали другие люди из администрации и отдела кадров. Знал я госпожу Разумову исключительно из-за ее мужа – проректора нашего вуза Степана Викторовича Разумова, занятого старикана, который любил рассказывать, как он поднимал науку во времена Брежнева. У них, кстати, с женой разница была в двадцать пять лет: ей – сорок пять, ему – семьдесят.

В итоге мы оказались в однушке-студии, мебель простенькая, но все чисто и даже уютно.

– Сдаем с мужем пару однушек, с этого и живем, – пояснила мне женщина. – Как поговорили со следователем?

– Нормально, – односложно отозвался я. – А что?

– Ничего, кроме того, что, скорее всего, вас посадят.

– Думаете?

– Уверена. Сверху пришла указивка, чтобы кого-нибудь показательно выпороли. Выбор пал на вас.

– Интересно, из-за чего такие привилегии моей скромной персоне?

– Не скромничайте, вы у нас в некотором роде личность выдающаяся. Молодой аспирант, волонтер, общественник, умный, красивый, спортивный, по вам томно вздыхает чуть ли не вся бухгалтерия вместе с отделом кадров, да еще и при деньгах. Ну а когда вы влезли на чужое поле и стали там активно разворачиваться и расширяться, тут уж и некоторые наши мужчины обратили на вас внимание. Даже ваши совместные фотографии с Путиным не помогут.

– На тех фото кроме меня и Путина было еще полсотни человек, – заметил я. – Неужели я так сильно расширился, что перешел дорогу нашим бонзам?

– Нет, но они вас заметили и понимают, что лучше вас сбить сейчас, пока вы летаете низко, чем позволить вам вырасти.

– А как же ежемесячный бонус, который я занову кому надо?

– Мне ничего про это не известно, собственно говоря, речь не об этом. Вам нужна помощь или будете сами отбиваться?

– Еще пока не знаю, правоохранители конкретных обвинений не выдвигают, так, намеки непонятные и какие-то туманные угрозы.

– Ну, тогда подождите пару недель и все сами узнаете. Намеки перерастут в полне реальные обвинения и статьи уголовного кодекса.

– Вы же меня сюда не просто так позвали, знаете что-то о сложившейся ситуации? Так, может, все сами и расскажете?

– Почему бы и нет? – мило улыбнулась женщина. – Вы пока посидите, а я нам кофе сварю.

Карина Георгиевна продефилировала через всю комнату и принялась возиться возле плиты. Причем делала она это так вызывающе красиво, что я даже засмотрелся. Тут тебе и платье в обтяжку, и туфли на тонкой высокой шпильке, отчего икры ног настолько обалденно смотрятся, что... А эта

ажурная резинка чулок, пару раз мелькнувшая из-под короткого подола легкого платья... Да и вообще, встречая ее в университете, ни разу не замечал на ней столь агрессивный макияж. О, не собирается ли наша гроза университетской администрации соблазнить юного аспиранта? С чего бы это? Ладно, подождем, посмотрим, как будут развиваться события. Тетка она в целом привлекательная, можно и поддаться на соблазн. Пусть и старше на восемнадцать лет, ничего страшного, лишь бы толк и польза от этого были.

– Так вот, не буду тянуть кота за причиндалы, – начала женщина свой рассказ, поставив перед мной красивую чашку из тонкого белого фарфора, исходящую запахом ароматного кофе, – уж больно активно и, самое главное, нестандартно начали вы свою коммерческую деятельность, Алексей. И все у вас так продуманно, не просто диплом задним числом выдаете, а и целые истории приписываете: страницы в социальных сетях создаете, фотографии одноклассников фотошопите, какие-то видосики снимаете. Прямо не подкопаешься. Наши старожилы как увидели уровень ваших работ, так чуть локти себе до пяток не сгрызли от зависти.

– А что поделать, не хочется же погореть на мелочах и подставить уважаемых людей. Это сейчас он у тебя диплом купил, чтобы звание майора получить, а через десять лет может и губернатором оказаться или, не дай бог, министром внутренних дел, и хитрые журналюги раскопают, что диплом об окончании вуза есть, а одноклассников нет, как нет ни од-

ной студенческой фотографии. Это же подстава, а так имеется хоть какой-то шанс выйти сухим из воды.

– Согласна, это, кстати, характеризует вас как умного и дальновидного человека. Вы ведь в это дело влезли не столько из-за денег, сколько с целью обзавестись связями и хорошими знакомствами на перспективу? Насколько мне известно, в деньгах вы особо не стеснены.

– А вы чертовски прозорливы! Не завидую я вашему мужу, это очень опасная смесь – красивая и умная женщина.

– Лстец! – улыбнулась госпожа Разумова. – Вас, Алеша, подставили. Веру Рымову помните? Мерзкая особа, должна вам сказать, зуб она на вас точит, все никак не успокоится, что вы ее бросили. Помимо этих ваших делишек она еще и какие-то следы биоматериалов на своем белье сохранила и желает вас по совсем нехорошей статье засадить.

– Пустяки, – отмахнулся я. – Любая экспертиза докажет, что у нас с ней было исключительно по обоюдному согласию. А вот то, что она об университетских схемах в курсе, это неожиданно. Спасибо за наводку, теперь мне будет легче бодаться с правоохранителями.

– К сожалению, все не так просто. Дело не полицейских, ваша судьба решится в кабинете ректора нашего университета. Если он даст добро, то вас принесут в жертву, а если скажет «нет», то вы и дальше будете обольщать студентов третьего курса и продавать липовые дипломы. Там еще есть некоторые обстоятельства, о которых вам знать еще рано, но

я могу вам помочь.

Я отхлебнул кофе и зажмурился от удовольствия: очень хороший кофе. Прямо божественный, туда бы еще пару капель «Старого Бахчисарая»!

Компьютер в голове хладнокровно просчитывал различные варианты развития событий, как дальше поступить, чтобы выиграть как можно больше для себя плюшек. Ну а почему бы и нет? Вполне рабочий вариант!

– Хорошо, я готов принять вашу помощь. Говорите, что надо делать? – Я поставил пустую чашку на стол.

– Послезавтра в Москве на шествии «Бессмертного полка» будет идти организованная группа от нашего университета. Среди руководства вуза и активистов будет студентка пятого курса Надя Шикина. Ваша задача – найти с ней общий язык, втереться в доверие и попросить за деньги устроить вам встречу с Павленным. Момент передачи денег и саму просьбу зафиксировать на видео. Справитесь?

– А ректор что, с ней... Того?

– Ага, – кивнула Разумова. – Именно. Хорошо бы, чтобы вы с ней еще и вступили в интим, конечно же, зафиксировав все это на видео. Если все сделаете как надо, то все ваши проблемы исчезнут, а взамен получите покровительство моего мужа... и мое!

– Сколько денег давать?

– Не знаю, думайте сами. Ваши деньги, вам и решать!

– Хорошо, организует она мне встречу с ректором. Что

дальше? Что мне Павлену говорить?

– Правду. Говорите все как есть.

– В смысле? – не понял я.

– Расскажите о своей проблеме, о своей схеме, все как есть. Что вы не просто левачите с дипломами, а делаете это так, что минимизируете возможность утечки информации, расскажите, сколько каждый месяц заносите Сидорову денег. Вы ведь через Сидорова решаете административный вопрос? Все как есть расскажите, можете и про эту козу Рымову упомянуть.

– Про вас рассказывать? – съязвил я.

– Шутите?! – с укоризной в голосе строго спросила Разумова.

– Шучу. Хорошо, расскажу я все это, но тут же явный криминал. Будет он все это так просто слушать? Нет, я, конечно, понимаю, что от тех денег, что я заношу Сидорову, какая-то часть уходит вверх к ректору, но нельзя же так открыто об этом говорить.

– Если наедине и без лишних ушей, то почему бы и нет? – улыбнулась женщина. – Не беспокойтесь, там будет кому подготовить ректора к разговору. Вы главное с Шикиной сделайте все как надо. Вот вам небольшая аналитическая записка о привычках Павлена, почитайте, возможно, вам это пригодится в разговоре с ним. Надо сделать все так, чтобы у него осталось о вас самое хорошее впечатление.

– Да уж, – хмыкнул я, беря несколько сложенных вдвое

листочков, – это по-нашему: вначале отбарабанить любовницу, а потом втереться в доверие к ее влиятельному любовнику.

– Именно! – мило улыбнулась женщина.

– Я могу идти? – спросил я, вставая с дивана.

– Можете, но не сразу, – совсем уж недвусмысленно улыбнулась Разумова, расстегивая пуговицы на своем платье. – У нас с вами есть еще одно дельце. Должна же я понять, что в вас такого, что по вам сохнут все студентки филфака?

– Хорошо, – улыбнулся я в ответ, – я только на пять минут заскочу в ванну.

– Конечно, я буду ждать тебя, Алеша! – промурлыкала Карина Георгиевна.

Я на ходу снял пиджак, повесил его на спинку стула, из кармана брюк вытащил связку с ключами, незаметно клацнул на одну из кнопок на брелке сигнализации и как бы невзначай положил их на стол, так, чтобы торец брелка был направлен на диван. С волками жить – по-волчьи выть!!!

Вышел я из квартиры Разумовой только через два часа. Ну что вам сказать? Баба – огонь!!! Нет, правда, я в этих делах спец и скажу вам, что она даст сто очков форы любой студентке нашего универа, хоть они моложе ее в два раза.

Ну что ж, а дело-то не такое уж и гиблое! Если все сложится так, как утверждает Георгиевна, то вполне возможно, что из всей этой передряги я выйду не просто сухим, а в нехилом таком плюсе! Возможно, удастся в ближайшее время перевестись на какую-нибудь руководящую должность. Вот там

уж я развернусь!

Итак, что нам надо сделать? Сегодня сделать кое-какие дела, подготовиться как следует, найти общих знакомых с этой Шикиной, а утром выдвинуться в Москву.

До самого вечера я выполнял задуманное. Сгонял в банк и снял со своего счета полмиллиона рублей, тут же попросил кассиров, чтобы они наличность расфасовали в тугие пачки, получилось весьма эффектно, как раз то что надо, чтобы совратить строгое женское сердце. Навел справки о студентке истфака Шикиной, оказалось, что девочка прям вся такая из себя положительная: активистка, комсомолка (это не шутка, наш ректор записной коммунист), отличница, победительница различных конкурсов и олимпиад, а еще очень и очень скромная девушка, как говорится в старом пошлом анекдоте: сардельки во рту не державшая! Но у меня на всякое строгое женское сердце всегда найдется болт с резьбой.

К поиску подходов к студентке Шикиной я подключил своего давнего приятеля и моего системного должника Витьку Ключева. Витек был у нас личностью в универе известной и харизматичной, капитан университетской КВН команды, светило театральных подмостков, гений вокала и гитары и так далее по списку. Этот кучерявый недоросток (а росту в нем было полтора метра) знал всех и вся в универе и мог в течение получаса найти общих знакомых не только с очниками, но и с заочниками первого курса на первой сессии. А это, я вам скажу, вообще высший пилотаж.

В целом все было готово к операции... название которой я так и не придумал. Рано утром закинул несколько сумок с вещами на заднее сиденье своего «прадо» и покатил на выезд из города. Несмотря на то, что сейчас была пятница и вроде как еще рабочий день 8 мая, народ активно щемился прочь из города, погоды стояли отличнейшие, так и шепчущие: займи, но на майские сгоняй на природу на пикник.

То ли от этого потайного желания сгонять на шашлыки, то ли просто от сочного весеннего воздуха, но на выезде из города я свернул не туда и покатил по направлению к Куравлевке. А может, все дело было в приближающемся Дне Победы. Все-таки 9 Мая – особый праздник. Фактически в году всего три праздника, которые празднуют в каждой семье: Новый год, День Победы и 8 Марта.

Опомнился только минут через двадцать, когда до места, где погибли мои родители, осталось чуть меньше километра. Поворачивать не стал и решил, что это знак провести памятник на обочине. Памятник был на месте, чистенький и ухоженный, но я все равно протер серый мрамор тряпкой и повыдергивал траву возле постамента, потом еще минут десять собирал мусор в округе.

Пять лет назад в этом месте на встречку вылетел грузовой КамАЗ и лоб в лоб столкнулся с «Дастером», в котором мои родители ехали в Куравлевку. Папа и мама погибли на месте, водила КамАЗа отделался парой переломов и условным сроком.

Немного постояв рядом с памятником и мысленно рассказав родителям о своей жизни за последние месяцы, решил, что Москва подождет пару часов, тем более что у меня в запасе больше суток и вполне можно заскочить в Куравлевку, проверить мою фазенду и подогнать подарок дяде Толе к 9 Мая. По пути как раз был сетевой магазин.

В магазине я прикупил пару бутылок водки и по бутылке крымского коньяка и вина, на закуску взял пару пачек дорогого рассыпного чая (дядя Толя не признавал пакетики), несколько палок сухой сыровяленной колбасы, пару банок красной икры и банку маринованных морских гребешков. Дядя Толя жил по соседству и присматривал за моим родовым домом в Куравлевке. Дядька веселый и зачетный, из низовых чувашей, ветеран войны в Афганистане и старинный друг моих родителей. Каждый раз, когда я наведывался в Куравлевку, привозил ему разных гостинцев «из города», особенностью подарков был какой-нибудь необычный деликатес, именуемый дядей Толей «буржуйской хренью». В этот раз хренью станут маринованные гребешки, в прошлый раз было копченое мясо крокодила, которое дядя Толя схрумкал за обе щеки и сказал, что это жалкое подобие мяса варана, которое он собственноручно готовил в Афгане.

– О, здорово, доцент! Как жизнь? – выкатился мне навстречу ртутный шарик дядя Толя. – Я только о тебе думал!

Небольшого роста и щуплого телосложения дядечка с лысой, смуглой от загара головой и щуплой, редкой бороде-

кой. А вот рукопожатие у него было будь здоров, так своей пятерней мне краба припечатал, что даже послышался хруст суставов.

– Молодец, что приехал! Ты так, на минутку, или на майские? Хорошо бы на все выходные, а то я задумал к внукам сгонять, а не хочется дом просто так бросать, – затараторил дядя Толя, увлекая меня к себе во двор. – Я ж, почитай, пять лет твою хибару сторожу, так что давай и ты мне поможешь. А чего это у тебя в руках? Мне? Спасибо, уважил старика! А это чего? Гребешки? Они склизкие, как медуза, или как мидии? Сам пробовал? Может, махнешь стопку, снимешь пробу, я как раз выгнал по рецепту твоего бати, тройная очистка! – Мне в руки тут же был всунут стакан с жидкостью слегка желтоватого цвета. – Все как у твоего бати – настоял на зверобое и перепонках грецкого ореха. Ну, давай, помянем твоих маму и папу. До дна!

– Уххх! Твою ж!! А-а-а-а! – Огненная комета провалилась мне в пищевод, взорвалась там тротиловой шашкой, я только и успел что захлопнуть рот. Во второй руке тут же оказался бутерброд – серый хлеб, щедрый кусман сала и перья зеленого лука. Бутер провалился внутрь на удивление легко, хоть и был весьма приличных размеров.

– Дядя Толя, ну ты и диверсант! Я ж на пять минут заскочил, хату проверить да тебе гостинец отдать. Как я теперь за руль сяду? Мне ж в Москву по делам надо!

– Какие дела? Праздники же! На 9 Мая работать мож-

но только ментам, военным и врачам, остальным – святотатство! Или что-то срочное и важное? – В голосе дяде Толи прорезалась отцовская забота.

– Да как тебе сказать... У меня на работе, в универе, возникли определенные сложности, и я планировал в Москве после всех торжественных мероприятий подкатить к начальству и укатать их в каком-нибудь кабаке. Свести меня должны были непосредственно с ректором нашего вуза, ну и после парада «Бессмертного полка», так сказать, в неформальной обстановке. Короче, мне надо быть завтра в Москве.

– Ну так то завтра! – махнул рукой дядя Толя. – До завтра времени еще вагон! Хотя ты знаешь, я тут подумал: а на кой тебе она, эта Москва? Пригласи их сюда! Природа вокруг у нас загляденье, хата у тебя и двор – картинка. Банька есть, бассейн водой наполни, мяса закупи, вон, к Ерофеевым ща сгоняем, они тебе барашка зарежут, Павловна колбасок домашних накрутит. Такой достархан можно устроить, что твой ректор к тебе на коленях приползет, чтобы ты его в следующий раз к себе пригласил. Опять же, рыбалка у нас воо! К Степанычу на ставки сгонять можно! На кой она тебе, эта Москва, сдалась? Ну где ты там на 9 Мая будешь искать свободный приличный кабак?

– Да там не совсем сразу с ректором, там надо еще одного человечка обкрутить, у него запросы скромнее.

– Ну так тем более! Я тебе дело говорю: здесь этого человечка укатывать и надо!

Я крепко задумался. А ведь это действительно хорошая идея. Можно облегчить Ключеву выполнение поставленной задачи. Всяко проще заманить студентку Шикину на студенческую вечеринку за город на природу, с ночевкой, шашлыками и баней, чем тащиться к ней в Москву и как-то все это крутить там. Тем более что Разумова сроки выполнения задания не обговаривала. Заманим Шикину сюда, сделаем все как надо, а потом и к ректору подкатим через нее.

– А пожалуй, ты прав, дядя Толя, – выдал я через пару минут.

– Так кто бы сомневался! Давай тогда я твоего джипа возьму на выходные, а ты на моем папелаце поездишь, тем более что он вместительнее и проходимее, вам на ставки к Степанычу ехать через поля, напрямки будет удобнее и веселее, да и я, опять же, перед сватом пофорсю на иномарке твоей.

Последующее время мы с дядей Толей развивали бурную деятельность: съездили с ним в соседнее село, где был большой супермаркет, закупились всем необходимым для тяжелых праздников: ящик водки, ящик коньяка, ящик шампанского, несколько ящичков пива, ну и дальше по списку, потом вернулись в Куравлевку и объехали местных крестьян, промышлявших продажей мяса и мясопродуктов, ну и тоже сделали им неплохую выручку.

После обеда дядя Толя загрузил в мой «крузак» гостинцы для внуков, причем чтобы впихнуть все, что он задумал увезти, пришлось складывать задние сиденья, иначе все эти

мешки, пакеты, закатки и коробки было не уместить. Потом мне выдали краткие инструкции по присмотру за домом и хозяйством дяди Толи:

– В оружейный сейф не лазить, ордена не трогать, баб на моей кровати не трахать, в огороде не шнырять, курей корми два раза в день, меняй им воду. Если ваше бухло закончится, в кладовке есть пара бутылей с самогоном, закатки бери какие хочешь. И дом мне не сожгите! – напоследок выкрикнул дядя Толя и укатил восвояси.

До самой ночи я работал не покладая рук: вымыл бассейн, убрался в доме и бане, подмел во дворе, прошелся газонокосилкой в саду, подключил холодильник и морозильную камеру, вытащил из сарая мангал, переносную печку и коптильню. Уснул уже за полночь.

Проснулся по будильнику в 9 утра, как раз успел приготовить себе легкий завтрак и, включив ноутбук, стал смотреть онлайн-трансляцию парада на Красной площади. Зрелище было эффектное и захватывающее, все-таки у нас в России самая лучшая армия в мире, хрен кто на нас полезет, в один миг переломает хребет вражине!

К обеду я уже был изрядно навеселе – усосал пол-литра коньяка под жаренное на мангальной решетке мясо. Созвонился с Ключевым и узнал, как обстоят дела. Оказалось, что все складывается даже лучше, чем ожидалось: к вечеру в мою скромную фазенду в Куравлевке прибудет веселая компания в количестве от десяти до пятнадцати рыл, где бу-

дет численный перевес прекрасной половины человечества, среди них, сто процентов, век воли не видать и еще множество клятв, будет не только студентка Шикина, но и внучка ректора нашего университета, студентка второго курса истфака Ларочка Павлина. Оказывается, они с Шикиной – лучшие подруги. Но Ключев тут же поставил твердое условие, что ректорская внучка – его боевой трофей, и он ее никому не отдаст.

Все складывается просто супер! Правда, настроение почему-то было поганое, чувствовалась какая-то тревога и приближение надвигающейся беды. Как будто ты оказался в чистом поле в легких шлепках и шортах, на небе до этого не было ни облачка, и тут набежали тяжелые свинцовые тучи, и ты понимаешь, что сейчас ливанет такой дождяра, что вымокнешь до нитки, заболеешь... и умрешь!

Когда на экране ноутбука началась трансляция шествия «Бессмертного полка», настроение испортилось окончательно, навалилась такая тоска, что хотелось выть, я махнул залпом полный стакан коньяка и с недоумением принялся тарачиться на зависшее изображение. Связь внезапно оборвалась, и на экране застыла картинка, показывающая безоблачное небо, на фоне которого медленно плывут к земле три больших парашюта красного, белого и синего цвета. В мобильном телефоне тоже не было ни связи, ни интернета. Посчитав, что это некий знак, я махнул еще одну стопку коньку и, окончательно опьянев до состояния зюзи, завалился спать.

Проснулся уже вечером от того, что кто-то тарабанил в калитку.

– Чего? – зевая и шатаясь от похмелья, спросил я, подходя к калитке.

– Игнатыч где? – спросил мужской голос с той стороны.

– Укатил к внукам, – ответил я, открывая калитку. – Я за него. Чего хотели? Он мне свой дом доверил.

На улице стоял кто-то из односельчан, но как его фамилия и тем более имя, я не помнил, знал, что местный, и все. Невысокий толстенький мужичок, облаченный в пятнистые штаны и тельняшку. Судя по выхлопу, он, как и я, трезвостью не страдал.

– Ты Игнатыча вряд ли заменишь, – глубокомысленно изрек мужик. – Хотел его позвать к Юркиным, мы там с мужиками собрались, думали, решали, чего теперь делать. Может, пора манатки собирать да идти в лес схроны копать, он все-таки человек военный, знает, как все это лучше обустроить.

– Чего? – удивился я. – Какие схроны? Перепили, что ли?

– Как какие? Партизанские. Нет оно понятно, что мы не на самой границе живем и до нас враг может вообще не дойдет, но лучше перебдеть, чем недобдеть.

– Слушай, мужик, извини, не помню, как тебя зовут. Я – Леха. – Я протянул руку для рукопожатия. – Но ты лучше к дяде Толе со всяким бредом не лезь, я его сто лет знаю, он ведь может и по морде дать за глупые шутки.

– Артем, – представился визитер. – Какие уж тут шутки,

когда такое вокруг происходит!

– Да что происходит-то? – не понял я, о чем говорит Артем. – Что? Инопланетяне высадились на Красной площади или Собчак родила от Путина?

– Ты что, не в курсе?! – ошарашенно выпучил глаза Артем. – Ты что, телек не смотришь и радио не слушаешь?

– Почему, смотрю. Я, правда, пару часов проспал, как конь. Так что произошло-то?

– Москву и Питер взорвали к чертям собачьим! Сбросили ядерные бомбы, оба города в труху!

– ЧТО??? – У меня потемнело в глазах, а горле застрял комок недоумения. – Как?! А что ж наши ПВО? Много жертв?

– Во время шествия «Бессмертного полка» на Москву упало три ядерных заряда. Жертв – миллионы. В Питере та же история! Потом наши начали сбивать гражданские самолеты, вроде как заряды были сброшены с борта обычного пассажирского «Боинга».

Я тут же вспомнил застывшую картинку на экране зависшего ноутбука – летящие к земле парашюты красного, белого и синего цвета. Блин! Так там же были наши студенты и препода!! Твою мать, у меня же там куча друзей была в тот момент! Я сам там должен был быть!!! Дядя Толя мне жизнь спас! Капец!!!

– Ну ладно, я тогда к мужикам пойду, скажу, что Анатолия Игнатьевича нет дома.

– Подожди, я с тобой!

Быстро накинув на себя куртку, побежал догонять ушедшего в конец улицы Артема. В доме сельского главы собралось несколько десятков односельчан, которые много курили и бурно обсуждали последние новости, посреди стола стояло несколько радиоприемников, настроенных на местные радиостанции, из них шел поток последних новостей.

В сенях сидело несколько женщин, судя по опухшим лицам, они недавно ревели навзрыд. Оно и неудивительно. Тут даже самому тупому оптимисту будет понятно, что скоро начнется большая Война и что мужчинам вновь придется покинуть свои дома, оставив своих жен.

Артем представил меня как соседа Игнатьевича, того самого ученого из города, который в прошлом году вырыл у себя в огороде бассейн. Сказано это было таким тоном, что всем сразу стало понятно: я вроде дурачка, не знающего почему фунт лиха и не умеющего тратить деньги.

Я тихо присел на подоконник и внимательно слушал, о чем говорят другие, не вмешиваясь и не перебивая. В подобных ситуациях важно слушать и запоминать, что говорят окружающие, порой в стрессовой ситуации люди болтают много лишнего.

Оказывается, за те несколько часов, что я подрых пьяным сном, Россия получила самую большую плюху с времен развала Союза. В ходе нескольких терактов были уничтожены обе столицы нашей страны, число погибших, по самым скромным подсчетам, перевалило за несколько миллионов,

а сколько будет на самом деле, никто не знал, ведь суммарно в Питере и Москве неофициально проживало около двадцати миллионов человек, а если учесть еще и гостей города, наполнивших столицы на майские праздники, цифра получалась вообще заоблачная, и очень многие из этих людей гарантированно погибнут в ближайшие часы. Их некому будет извлечь из-под завалов, некому будет оказать квалифицированную медицинскую помощь. Многие погибнут в ближайшие месяцы и недели, потому что нельзя спасти всех раненых и больных, пораженных лучевой болезнью.

По радио без перерыва сообщали о различных авариях, трагедиях и катастрофах, которые посыпались как из рога изобилия во всех уголках нашей страны. Помимо ядерных взрывов в небе над Москвой и Петербургом случилась целая вереница катастроф со множеством человеческих жертв по всей стране. Где-то взорвался бензовоз, застрявший в пробке на одной из оживленных трасс дальнего Подмосковья, где-то столкнулись два пассажирских поезда, где-то сумасшедший устроил пальбу из автомата, расстреляв несколько десятков людей, собравшихся на стихийный митинг. В общем, ситуация становилась все хуже и хуже. Новостные выпуски перемежались с требованиями сохранять спокойствие, всем находиться дома, не посещать мест скопления народа, иметь трехдневный запас воды и еды.

Неожиданно радио захрипело, замолкло на несколько секунд, а потом вместо новостной трансляции заиграла клас-

сическая музыка. Хозяин дома принялся крутить настройки приемника в поисках другой волны, но везде играла одна и та же классика.

– Твою мать, гребаные дебилы! – выругался хозяин дома, он же по совместительству и глава Куравлевки. – В девяносто первом страну проебали, и сейчас то же самое.

Эта эмоциональная фраза сразу же вызвала бурю возмущений, замешанных на воспоминаниях присутствующих об их жизни в бурные девяностые. Потом спорщики сменили тему и плавно разделились на два лагеря: одни кричали, что надо завтра же утром идти в военкомат и записываться в ополчение, а другие утверждали, что не хрен маяться всякой хренью и надо организовать отряд Куравлевской самообороны, поставить блокпост на единственной дороге, ведущей в село, и никого сюда не пускать, а то сейчас начнется время грабежей и разбоев, из городов повалят голодные горожане в поисках еды и свободных домов. Единственное, в чем спорщики сошлись, это в том, что деньги совсем скоро обесценятся, продукты исчезнут с полок магазинов или будут стоить космических денег.

Среди присутствующих был один невзрачный худой мужичок, похожий на актера Сергея Филиппова, игравшего Кису Воробьянинова в фильме Гайдая «12 стульев». Он являлся владельцем одного из трех куравлевских магазинов, звали его Антон Павлович Куцман. Такой же зачуханный интеллигент в очочках и дурацкой шляпе. Вот только местный

Киса оказался не в пример зубастей и деловитей, чем его киношный прототип. Куцман заявил, что его магазин распродает скоропортящийся товар и закрывается, и работать он будет теперь только в режиме «для своих и из-под полы», цены договорные, и, скорее всего, продукты и товары будут отпускаться на бартерной основе, потому что деньги совсем скоро настолько обесценятся, что ими можно будет только подтираться.

Куцмана тут же объявили барыгой, спекулянтом, жидом и так далее по списку, но он всех послал к черту, правда, потом, немного подумав, предложил всем присутствующим вкладчину заказать большую партию нужных в смутное время товаров, классические сахар, соль, спички. Дескать, есть у него хороший поставщик, к которому можно завтра сгонять и хорошенько затариться. Мужики тут же бурно начали обсуждать эту тему, прикидывая, чего и сколько надо купить.

Я понял, что больше ничего конструктивного не услышу и, подойдя к столу, выложил перед Куцманом пятьдесят тысяч рублей, сказав, что это моя доля складчины, а сверху положил еще червонец, объяснив, что это лично Куцману бонус за здравую мысль и беспокойство. Киса расцвел пышным цветом самодовольства, сграбастал деньги и заверил меня, что я могу завтра же отовариться в его магазине всем необходимым, что мне понравится из привезенного с оптовой базы.

Под насмешки и шутки про ненормальных городских я покинул зал заседаний и пошел к себе домой. Торопился не зря, я только сообразил, что сейчас самое время для всякого рода лихого народа. Криминалитет и просто любители легкой наживы должны активизироваться, смутные времена самое то для всяких мразей и бандитов. А вся деревня знает, что дома у дяди Толи есть чем поживиться. Но беспокоился я зря, оба дома были в целости и сохранности. На всякий случай я вскрыл оружейный сейф и проверил его содержимое. Здесь ничего не поменялось – шесть стволов и сотня пачек с патронами к ним. Дядя Толя был заядлым охотником, любил и ценил оружие. Ну что ж, мне очень повезло, что я оказался в такое время именно в этом доме. У меня есть запас еды, воды, спиртного и приличный арсенал. Даже то, что дядя Толя забрал мой «крузак», оставив свою модернизированную и приспособленную к бездорожью «буханку», было очень кстати.

Точно! Надо же еще запастись топливом, сообразил я. Собрал все свои банковские карты. Их было около десятка, и суммарно на них лежало около миллиона рублей, правда, не все карты были оформлены на мое имя, но это не важно, главное, что я знал пин-код, а деньги на счетах принадлежали мне, пусть и заработаны они были не совсем честно.

Провел ревизию гаража, нашел там десяток всяких емкостей, которые можно было наполнить бензином, потом притащил из своего сарая пластиковый бак на двести литров,

загрузил все это в «уазик» и покатил в сторону трассы. То, что от меня прилично «фонило», а любой алкотестер показал бы явный перебор, было неважно, сомневаюсь, что сейчас на дорогах присутствуют гайцы.

АЗС напротив куравлевского поворота с трассы была закрыта, темные окна, отсутствие персонала и табличка «Не работаем». Покатил дальше по трассе в сторону города, там была еще одна заправка. На дороге попадались лишь редкие встречные машины, едущие из города, в ту сторону – никого. Вторая АЗС тоже была закрыта. Странно! Им бы сейчас цены поднять да расторговаться «в черную».

В очередной раз проверил смартфон, но значка работающего интернета, как и сети не было. Похоже, связь накрылась медным тазом. Немного подумав, вспомнил еще об одной заправке, которая располагалась в Кирчах, большом селе километрах в десяти, там еще по соседству работал здоровенный агрокомплекс. Кстати, на промзоне этого агрокомплекса мы с дядей Толей затаривались левым бензином в двухсотлитровых бочках, я тогда помогал ему их кантовать и закатывать в кузов «буханки». Может, попробовать съездить туда? Нет, не вариант, я не вспомню дом, где жил старинный приятель дяди Толи, левачащий топливом. Вроде бы там перед домом стоял КамАЗ без колес? Нет, не вспомню!

Покатил в Кирчи в надежде, что их АЗС еще работает. Время приблизилось к полуночи, и село встретило меня темными окнами домов и редким лаем собак. Повезло, заправ-

ка работала, но всего ассортимента топлива там не было: дизель, 92-й и 95-й закончились, в наличии был только «со-
тый» по семьдесят пять рублей.

– Сколько?! – удивился я. – Это ж с чего такой ценник?

– Не хочешь, не бери, – отмахнулся оператор АЗС, молодой парень лет двадцати жуликоватой наружности. – Там осталось всего полтонны, есть кому купить.

– Карты принимаете?

– Нет. «Мастер» и «Виза» не работают, «Мир» принимаем, но только в оплату за товар в магазине. – Парень кивнул на полку с автохимией и различными расходниками. – Топливо только за наличку и без чека, лента закончилась, – криво усмехнулся продавец. – Ну так, че? Заправляем?

– Да.

– Деньги вперед!

– Держи. – Я выложил на прилавок несколько пятидесятых купюр и показал содержимое кошелька, где лежали еще такие же банкноты. – Остальное после заправки. В салоне бак и канистры, заправляй до крышки. Там должно быть литров триста – триста двадцать. Ну, и бак до полного!

– Сам заправляй, мне не положено покидать пост, – отмахнулся паренек.

– Ну как знаешь, я просто думал пока подобрать себе кое-что из расходников. Тысяч на сто думал закупиться. Оплата картой «Мир»!

– А мне-то что? – равнодушно пожал плечами хитрый

продавец. – Деньги упадут на счет хозяина АЗС, мне-то какой с этого прок?

– А ты пробей по кассе какую-нибудь крупную покупку, к примеру, вот эти вот колеса, – я кивнул на стопку низкопрофильных шин, непонятно каким образом оказавшихся в ассортименте сельской АЗС, – а потом сделай возврат, как будто покупатель захотел вернуть колеса. Деньги из кассы заберешь себе, а я на эту сумму наберу всякой мелочи: масло, фильтры, свечи, аккумуляторы, ремни, провода, ну и так далее. Идет?

– По правилам мы не возвращаем сразу безналичные деньги, – нахмурился паренек, но при этом как-то уж больно хитро задумался. – Впрочем, почему бы и нет. Только вы мне фингал поставьте под глаз.

– Это я легко. А камер не боишься? – спросил я, намекая на камеру наблюдения, висящую под потолком.

– Они не работают, – улыбнулся продавец.

За сорок минут мы общими усилиями с хитрованом заправили все емкости в салоне «буханки», потом основательно проредили полки автомагазина, заполнив оставшееся в салоне «уазика» место всем, что мне приглянулось. На прощание двинул в морду продавцу, бил не сильно, но зато точно, под глазом тут же набух желвак и расплылся бордовым цветом.

Возвращаясь в Куравлевку и проезжая мимо закрытой АЗС на трассе, заметил, что вокруг нее идет нездоровое дви-

жение: с десятков мужиков на легковых машинах с прицепами, в которых установлены бочки, ведрами черпают топливо из заправочных емкостей. Ну вот о чем я и говорил: пошла потеха, грабежи и мародерство!

Ночевать я решил в доме дяди Толи, там было комфортней и безопасней. Лег прямо на полу, подстелив несколько одеял, возле себя положил заряженный СКС. Мясо, закупленное для пикника, свалил в морозильную камеру, а все спиртное упрятал подальше от глаз – в подвал. Сейчас не самое лучшее время для синьки.

Засыпая, подумал, что надо дождаться дядю Толю, а потом срочно валить в город, чтобы понять, кто там остался в живых. Сколотить из них команду и хорошенько потрясти кое-кого. Хорошо бы еще найти детекторы радиации и металлоискатели. В некоторых домах можно много чего найти полезного в виде золотых слитков и пачек американских рублей.

Ночью мне снился кошмар, в котором какой-то мерзавец дергал меня за руку и орал в самое ухо: «Иваныч! Иваныч!»

* * *

– Иваныч, Иваныч!!! – вырвал меня из теплых объятий сонной дремоты истошный вопль Ванька.

– Чего тебе? – отмахнулся я и хотел было уже перевернуться на другой бок, но Ванька вцепился мне в плечо и

принялся трясти. – Ты прикинь, Гарик тоже с Аршика. Прикинь? Его бабка живет на Сквозняке, а я всю жизнь тоже прожил в Камыше! А?! Круто! Считай, не просто земля, а почти... почти... – Болтун несколько секунд подбирал нужное слово, а потом выдал: – Родня!!!

– Охренеть ты информативный, – зевнул я. – Кто такие Гарик и Аршик? Армяне? Про Сквозняк и Камыш я догадался, что это какие-то районы города, а вот кто такие Гарик и Аршик, не понял.

– Иваныч, ну ты чего? Я ж тебе рассказывал: Аршик – это большой район Керчи, сокращенно от Аршинцево, назван в честь героя Советского Союза генерал-майора...

– Ваня, стоп! Хватит!!! Потом мне перескажешь историю твоего родного города. Че ты меня разбудил?

– Ну, я ж тебе говорю: Гарик оказался мне земелей! – радостно щерясь, напомнил мне Ванек и тут же пояснил: – Гарик – это турчонок, он сказал, что его зовут Исмаил, по-русски это типа Игорь, ну а Игорь – это, считай, Гарик. Так что согласись, что проще его называть Гарик! Да?

– Вань, ты меня поражаешь. Почему для тебя Исмаил – это сложно, а Гарик – просто? И самое главное, на фиг ты меня разбудил, а?

– Дык там этот бородатый приперся, ну, старший в нашем взводе, тебя приказал позвать. Я ему сказал, что командир, ну то есть ты, спишь, а он меня матом обложил.

– Епта! Ванек, с этого и надо было начинать. Где он?

– С Петровичем плов дожирают! – язвительно произнес Иван. – Что б они подавились!

Я смахнул остатки сна, растерев лицо руками, подхватил автомат и пошел следом за Ваньком. Петрович и наш взводный расположились в саду, где, стоя под деревом, трескали из казана остатки приготовленного мной плова.

– Седов, где тебя черти носят? – окликнул меня взводный. – Ты какого хрена с парнями из третьего взвода конфликтуешь, турок защищаешь? Или тебе напомнить, как они в марте двадцать первого года в Крыму наших резали, и как мы их летом того же года оттуда выбивали?

– Не надо мне ничего напоминать, я сам могу много чего рассказать, – огрызнулся я. – Если бы они вальнули этого турка, я бы им и слова поперек не сказал, а драть в жопу мужика – это перебор, за такое их самих к стенке надо ставить. Или ты не согласен? – прищурился я.

– Ты на что это намекаешь? – грозно пробасил великан. – В жопошники, что ли меня записал?

– Нет, – примирительно произнес я.

– Лучше завалить этого пацана от греха подальше, – предложил взводный. – Во-первых, с себя снимешь обвинения в помощи туркам, во-вторых, снимешь напряжение в нашем отряде. Не хватало, чтобы третий взвод с нами сцепился.

– Оно, конечно, может, и к лучшему, но уже поздно: паренек-то оказался из крымских, он с Ванькой из одного города. Тем более он местный и говорит по-русски, значит, может

быть переводчиком. Понял?

– Да и по фиг. Чего он там знает? Нам с местными лясы некогда разводить, скоро разведка вернется, и мы пойдем к следующему объекту. На кой ляд нам переводчик? Если надо, я с помощью ножа любого турка заставлю вспомнить русский язык!

– Ладно, жди, сейчас я вернусь, – согласился с доводами взводного и пошел искать Исмаила.

Мне судьба турецкого паренька, пусть даже наполовину русского, была безразлична, вернее, если его жизнь зависела только от моего решения, то я, конечно, не убивал бы его. Но если вопрос ставить ребром – либо мы, либо Исмаил, – то тут без вариантов, конечно мы!

Турчонка я нашел там, где его и оставили, привязанным к столбу в небольшом сарае. Паренек сидел на земле и, опасливо косясь по сторонам, чего-то писал в небольшом блокноте.

– Ну что, Исмаил, ты придумал, чем ты можешь быть нам полезен? – обратился я к нему на английском языке. – Сейчас от твоего ответа зависит твоя жизнь. Ну?

– Эфенди, я написал все, как вы и просили, все, что знал, написал... – Турчонок протянул мне блокнот, где несколько листиков были щедро исписаны корявым почерком нервничающего человека. – Поможет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.